

I.

Историческія преданія.

Въ старое время, еще до того, когда землями по верхнему теченію Пинджа овладѣли Бадахшанцы, Шугианомъ, Ишканимомъ, Ваханомъ и Зебакомъ, управляли отдѣльные, самостоятельные правители. Въ этотъ періодъ ихъ исторіи Ишканимцамъ приходилось страдать отъ набѣговъ Бадахшанцевъ и Шугианцевъ. Набѣгъ обыкновенно производили въ теченіе одной ночи; старались вернуться во своемъ къ утру, чтобы сосѣднія страны, Ваханъ и Зебакъ, не успѣли подать помощи Ишканимцамъ. Последніе еще помнить три большіхъ набѣга Шугианцевъ, когда страна была совершенно разорена, дома разрушены, женщины уведены въ плѣнъ и проданы въ неволю, скотъ убитъ. Дня за 2—3 до набѣга Шугианцы задерживали какъ всѣ караваны, такъ и отдѣльныхъ путниковъ, шедшихъ черезъ ихъ страну въ Ишканимъ, чтобы не дать распространиться слухамъ о военныхъ приготовленияхъ.

У Ишканимцевъ же были выстроены въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ оборонительной мѣры, сторожевыя башни, тѹб-хѹна, нѣкоторыя изъ которыхъ сохранялись и нынѣ: напр. въ Сафид-Обрігъ и въ Бѹд-Хѹна (на афганской территоріи) и въ Сѹри-Шахъ передъ Јах-дурѹ (на бухарской территоріи). На верху каждой башенки былъ караулъ, и тутъ же держался наготовѣ горючій матеріалъ. Когда неприятель приближался, караулъ зажигалъ костеръ и убѣгалъ прятаться въ горы; слѣдующая тѹб-хѹна передавала сигналъ дальше, и если только караульные крайней тѹб-хѹна успѣвали зажечь свой костеръ, то вся страна во время узнавала о надвигавшейся опасности и бралась за оружіе.

Повидному, Ишканимъ подчинился Бадахшану очень давно, но на первыхъ порахъ правители его только платили дань имъ Бадахшана,

власть же переходила отъ одного изъ нихъ къ другому по наслѣдству (хотя, конечно, каждый разъ съ согласія и утвержденія Бадахшанскаго мира); временами зависимость отъ сосѣдней страны бывала слабѣе, временами, наоборотъ, тѣснѣе. Изъ племенъ павлодѣе древнихъ мировъ Ишканима въ народѣ сохранилось имя **ابراهيم بيك** 'а; послѣ него, повидному, правилъ сынъ его, **شاه سعدى**, а за нимъ, по назначенію Бадахшанскаго мира, **ميرزا بادشاه**, потомъ правилъ братъ **Шо-Заман-еддина**, мира Бадахшана, **سید علی خان**, затѣмъ сынъ **Курбоб-хон**'а, **خان**, послѣ него **سفر علی خان** (сынъ **عبد الغازی خان**), назначенный также изъ Бадахшана, потомъ **احمد خان** (сынъ **Абдус-Самат-хон**'а), затѣмъ братъ **Худобор-хон**'а, потомъ снова по назначенію Бадахшанскаго мира **محمد رحيم خان**, за нимъ **سید صادق**, сынъ Зебакаго мира **Хакк-Назар-бек**'а, а потомъ **شکر الله بيك** (сынъ **شکر الله بيك**), потомъ **مير حق نظر شاه** (бывшій раньше миромъ Зебака, отецъ **شکر الله بيك**). Во время правленія **سید صادق**'а Абдуррахманъ-ханъ сломилъ самостоятельность Бадахшана, оказавшаго Исхак-хану поддержку во время его возстанія противъ двоюроднаго брата, и тогда же афганскому владычеству подпали Зебакъ, Ваханъ и Ишканимъ (между 1889 и 1891 гг.). Афганцы оставили въ нихъ на первые годы прежнихъ туземныхъ правителей, перемѣстивъ ихъ только одного на мѣсто другого, но позднѣе арестовали обоихъ и отправили съ семьями въ Афганистанъ. **умеръ** въ неволѣ въ Хапабадѣ; **Сайпидъ-Садыкъ-ханъ** былъ казненъ въ Кабулѣ, а Зебакъ, Ишканимъ и Ваханъ уравниены въ административномъ отношеніи съ другими областями Афганистана.

Ваханъ и Ишканимъ раздѣляются Панджемъ: каждый на двѣ части; по разграниченію 1894 года, земли на правомъ берегу рѣки были переданы Бухарѣ, причемъ Афганскіе Ваханъ и Ишканимъ остались значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ Бухарскіе. По отзываютъ горцевъ, въ Афганскомъ Ишканимѣ 120 домовъ (по другому счету 151), въ Бухарскомъ — 30 (или 38); во время владычества Афганистана во всемъ Ишканимѣ насчитывалось 130 домовъ (съ которыхъ собирались подати).

Существуетъ преданіе, что въ старое время Ишканимъ былъ гораздо болѣе цветущъ и населенъ, чѣмъ теперь, и что въ немъ было 1500 домовъ. Объ этомъ періодѣ былаго расцвѣта свидѣлствуютъ и нынѣшнія названія нѣкоторыхъ селеній, напр. **Бозор**, бывшій торговымъ центромъ (какового теперь уже нѣтъ), или **Ошгар-дѣ**, «селеніе кузнецовъ» и др. Въ упомянутомъ селеніи **Бозор** сохранились остатки большой мечети, имѣвшей 99 столбовъ (деревянныхъ); теперь существуютъ лишь ея разваливающіяся стѣны, но нѣкоторые старики, живущіе въ этой мѣстности в нынѣ, въ молодости

своей видѣли ее съ необрушившимся потолкомъ. Согласно преданію, въ то старое время, когда была построена эта мечеть, жившій въ Базхѣ царь держалъ въ подчиненіи всѣхъ правителей отъ своей столицы вплоть до Ишкашима; ихъ всѣхъ было 99, Ишкашимскій, какъ пограничный, былъ 99-мъ и, прозывался بك كم صد بادشاہ.

Эта легенда относится ко времени, предшествовавшему покоренію страны Бадахшаномъ, но существуютъ признаки культуры, оставшіеся отъ еще болѣе отдаленной эпохи. Во многихъ мѣстахъ долины верхняго Пянджа видныются, обыкновенно на неприступныхъ скалахъ, остатки крѣпостей, называемыхъ кафір-кала, постройка коихъ приписывается Таджиками чужому, не родственному имъ племени. По общераспространенному среди нихъ повѣрію, Таджики вытѣснены изъ долины верхняго Пянджа Кафировъ (Сіонуней), и послѣдніе бѣжали черезъ перевалы Гиндукуна въ теперешній Кафиргистанъ. Въ воображеніи горцевъ война съ Кафирами переплелась съ апокрифическими религіозными сказаніями о завоеваніяхъ Магомета и главнымъ образомъ Али, совершившаго, по убѣжденію Таджиковъ, цѣлый рядъ подвиговъ въ долинѣ верхняго Пянджа; такимъ образомъ, подъ вліяніемъ ислама, завоеваніе приамурскихъ странъ представляется имъ, какъ послѣдствіе религіозной войны.

Въ одной изъ легендъ ¹⁾, связанныхъ съ развалинами крѣпости около селенія Наматгут, фигурируютъ чисто персидскія племена и намеки на персидскіе обычаи (напр. браки между братьями и сестрами въ царскомъ роду); такъ у царя по имени Кахкаа, жившаго въ этой крѣпости, были двѣ дочери: Зул-Хумѳр и Гул-Хумѳр; первая послѣ нашествія правовѣрныхъ приняла мусульманство, вторая же удалась въ мѣста, населенныя теперь Кафирами племенн Парѳг, и стала ихъ родоначальницей. Выше по Пянджу у Јамчѳна была другая крѣпость, грандіозные остатки коей покрываютъ и по сейчасъ весь хребетъ горы; здѣсь жилъ Замр, братъ Кахкаа, третій же изъ братьевъ, Зацгѳѳр, владѣлъ третьей крѣпостью (ниже .Лянгаря). Кромѣ того въ Сархадѣ (въ афганскомъ Ваханѣ) была крѣпость, порученная рабу Кахкаа, по имени Сарѳх-Чунѳн. Два первые брата: Кахкаа и Замр, жили со своими сестрами, причемъ Замр всякій разъ, что ходилъ къ своей сестрѣ (и вмѣстѣ съ тѣмъ женѣ), жившей по ту сторону Пянджа, перепрыгивалъ черезъ рѣку, и потомъ, совокупившись съ сестрой, прерывалъ совокупленіе и глоталъ собственное сѣмя. Сестра его отъ этого стала болѣть, и, хворая все сильнѣе и сильнѣе, обратилась за совѣтомъ къ одной старухѣ. Та узнавъ въ чемъ дѣло, научила ее обнять брата покрѣпче и не отпускать его до

1) Это преданіе записано въ сел. Ранд 25-го августа 1902 г. отъ Наматгутскаго жителя ملا نظر شاه.

конца акта совокупленія. Когда она послѣдовала этому совѣту, Замр потерялъ связь и, возвращаясь черезъ рѣку, не смогъ черезъ нее перепрыгнуть, упалъ и сильно расшибся. Въ концѣ концовъ, по легендѣ, всѣ три брата были убиты Али во время его похода.

Другая легенда, связанная съ именемъ Али, слѣдующаго содержанія. Есть озеро около селенія Бѳзгѣр въ Зебакѣ, гдѣ живетъ страшный семиглавый драконъ. Въ глубокую старину ему ежедневно приносили въ дань одну дѣвицу, одного быка, сорокъ барановъ и сорокъ большихъ хлѣбовъ, и онъ, довольствуясь этими приношеніями, не раззорялъ страны. Али, прибывъ къ озеру, упалъ на берегу его одинокую дѣвицу, столицую вмѣстѣ съ другими дарами; она оказалась единственной дочерью бѣдной старушки. Али спросилъ ее, почему она не бѣжитъ, но она отвѣчала, что односельчане ей этого не простятъ, а драконъ станетъ опустошать окрестности. Тогда Али рѣшилъ вступить въ бой съ дракономъ, но въ ожиданіи его появленія легъ спать, положивъ голову на колѣни дѣвушки, чтобы она разбудила его, когда настанетъ время. Однако онъ заснулъ такъ крѣпко, что, когда драконъ сталъ показываться, дѣвушка не могла разбудить героя и въ отчаяніи заплакала, одна изъ ея слезъ упала на лицо Али, разбудила его, и онъ началъ битву съ чудовищемъ, но на мѣсто каждой изъ отрубленныхъ имъ головъ дракона вырастала новая. Когда же онъ, отрубивъ шесть головъ, надрубилъ седьмую, драконъ ушелъ обратно въ озеро и исчезъ въ водѣ. На окровавленномъ мѣстѣ побоища остались два его глаза; они превратились въ камни, и мѣстные жители до сихъ поръ ихъ показываютъ. Дѣвушка вернулась въ Бѳзгѣр, но тамъ сначала не хотѣла вѣрить ея разсказу, пока наконецъ ея мать и одинъ изъ односельчанъ, старикъ, не пошли съ ней на мѣсто битвы и, увидавъ глаза дракона, не поспѣли обратно съ радостной вѣстью; въ селеніи по этому случаю было большое ликованіе и пиръ. Полу-мертвый же драконъ, упавъ назадъ въ озеро, до сихъ поръ живетъ въ одномъ его углѣ, подъ водой, и отъ времени до времени слышится его голосъ, сильный ревъ изъ подъ воды. Каждый разъ, какъ этотъ звукъ раздается, жители принимаютъ его за предзнаменованіе скорой смерти кого-нибудь изъ односельчанъ.

Въ Ваханѣ есть селеніе Наматгут; по объясненію Ваханцевъ, названіе его прежде было Намак-кут (نمک کوت), т. е. «много соли», такъ какъ около этого мѣста были соляныя копи, но потомъ Али (котораго они такъ же какъ и большинство мусульманъ называютъ شاه مردان), во время битвы съ легендарнымъ Кахкабъ, испустилъ крикъ и вся соль въ копияхъ исчезла; отъ этого кривка исчезла также и вся растительность въ горахъ Вахана и Инкашима. До того времени горы были покрыты кустарникомъ и лѣсами, но во время битвы павлины спрятались всюду подъ прикрытіе деревьевъ; отъ

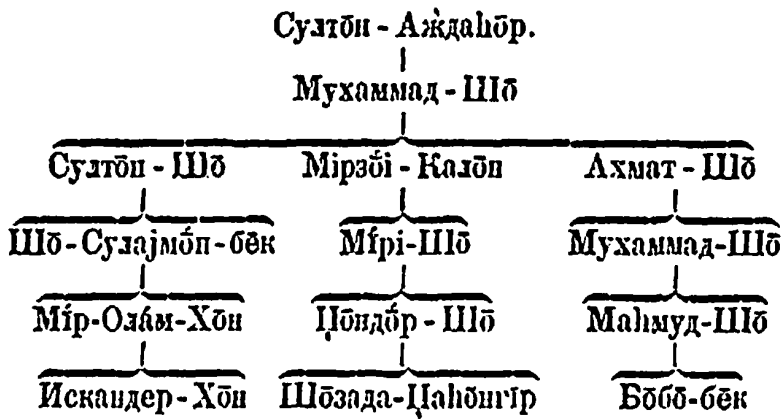
крика Али послѣднія всѣ сгорѣли и невѣрные погнѣбли вмѣстѣ съ ними, горы же оголились навсегда. Мѣстность, гдѣ теперь Гороп, осталась въ сторонѣ отъ тѣхъ земель, гдѣ разыгралась война Али противъ невѣрныхъ (тамъ и нѣтъ развалинъ «крѣпостей капыровъ»), поэтому крикъ Али туда не проникъ, и растительность въ Горопѣ сохранилась.

Отъ стараго времени остались кое-гдѣ, какъ говорятъ, и подписи на скалахъ; одна такая подпись находится будто-бы на черномъ камнѣ на границѣ между Зебакомъ и афганскимъ Инкашпмомъ; другая, повидному съ очень древними знаками, находится въ Бадахшанѣ, по ту сторону Файзабада. Камень на которомъ она высѣчена, называется Сѣнг-мѣр (سنگِ مهر), «камень печати», и окружающая его стѣна دشتِ سنگِ مهر. Существуетъ весьма распространенное въ тѣхъ мѣстахъ повѣріе, что русскіе намѣрены завладѣть страной до этого мѣста; печать на камнѣ пложена будто-бы въ прежнее время ихъ предками, и означаетъ предѣлы ихъ грядущихъ завоеваній. Вообще, русскіе очень популярны въ Бадахшанѣ, и когда Таджикиамъ съ праваго берега доводится ходить туда, то мѣстные жители принимаютъ ихъ ласково и часто справляются, скоро ли русскіе придутъ и избавятъ ихъ отъ Афганцевъ.

Время владычества Бадахшана горцы называютъ вѣхти-ӯзбакъ (وقتِ اوزبكان) «время Узбековъ»; на самомъ же дѣлѣ населеніе Бадахшана смѣшанное; оно состоитъ изъ Узбековъ и Таджикивъ, по, повидному, первые, какъ болѣе воинственные, захватили власть въ свои руки. Бадахшанскіе Таджики, говорящіе нарѣчіемъ персидскаго языка, дѣлятся на нѣсколько племенъ, причемъ племена эти немного разнятся другъ отъ друга своимъ говоромъ. По словамъ Таджикивъ праваго берега Панджа, самое многочисленное племя (3—4 тыс. домовъ), Роѣ, населяетъ сѣверную часть страны; за ними идутъ Яфтал, наиболѣе вліятельное и сильное племя, потомъ Рустак, Кини, Бѣрак, Вардун, Зардѣв и другіе.

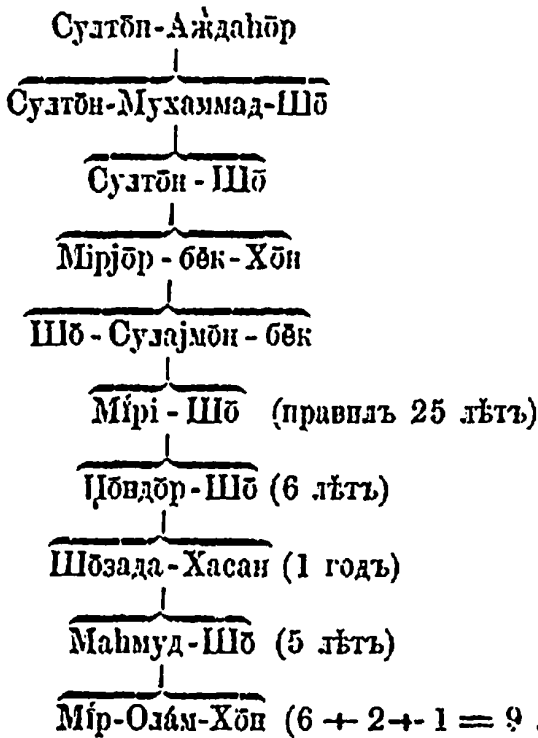
Тюркскихъ родовъ въ Бадахшанѣ шесть: 1) Музӯл; оно состоитъ изъ тридцати подраздѣленій, изъ которыхъ наиболѣе многочисленны Чірікчі-Музӯл, Амі-Музӯл; Якка-Музӯл и др. 2) Барзѣс. 3) Карлукъ; этотъ родъ тоже распадется на подраздѣленія, изъ которыхъ болѣе многочисленно Карлукі-мірзѣ; нѣкоторые карлукскіе роды производятъ себя отъ Чингизъ-Хапа. 4) Калта-тѣѣ. 5) Чуңг. 6) Чигіз; этотъ родъ дѣлится на собственно Чигіз и Утранчі.

Наслѣдникъ послѣдняго изъ Бадахшанскихъ мировъ, Искандеръ-Ханъ, проживаетъ на Бухарской территоріи; имъ сообщена нижеслѣдующая генеалогическая таблица Бадахшанскихъ мировъ:

Искандеръ-Ханъ проживаетъ въ Ишкашмѣ, Шѣзада-Цаһѣнѣр и Бѣбѣ-бѣк въ Кабулѣ.

Таблица царствовавшихъ мировъ.

перерывами, когда его прогоняли афганцы).

Миры Вахана также подчинялись Бадахшану, но были, повидимому, самостоятельныѣ Ишкашмскихъ и сохраняли наследственность престола. Платили они дань зюдыи (нушьянами и женищинами) такъ же, какъ «ша» Шугнама и мехтары Читрала. Послѣдніе, впрочемъ, отдавали своихъ подданныхъ въ Бадахшанъ потому, что приходились сродни Бадахшанскимъ мѣрамъ съ давняго времени (به طریق دوستی). Существуетъ повѣріе, что Ваханъ въ древніе вѣка, при Соломонѣ, былъ мѣстомъ изгнанія для разныхъ дивовъ, парп и прочихъ духовъ, преслѣдуемыхъ чѣмъ-либо Соломона

и изгнанныхъ имъ сюда въ заточеніе изъ другихъ странъ. Меры Вахана жили въ Каза-и-Пянджѣ. Сынъ-же, братъ или другой родственникъ мира назначался имъ правителемъ въ Хандуст. Во время Бадахшанскаго владычества Ваханъ дѣлился на четыре «сада»: Сад-Иштирагъ, Хандуд (или Хандуст), Сипи и Сархад.

По отзывамъ темерешскихъ Ваханцевъ, мѣры ихъ правили въ ниже-сѣдующемъ порядкѣ:

میر مسکه	— Mir Maska.
میر حجتا	— Mir Hajjo.
میر مهدی	— Mir Mahdi
میر منصور	— Mir Mansur
شاه جهان	— Shō Jēhōn
جیان خان	— Jēhōn Xōn
فتح علی شاه	— Fath Alī Shō
علی مردان شاه	— Alī Mardōn-Shō.

Каждый изъ нихъ былъ сыномъ своего предшественника. Когда Афганцы заняли Бадахшанъ, Абдуррахманъ-Ханъ вызвалъ Алі-Мардāн-Шā въ Кабуль; но тотъ, боясь казни, каковой уже подвергнулся нѣкоторые другіе изъ бывшихъ Таджикскихъ правителей, бѣжалъ къ Шикāман (на картахъ «Ишкāmāнъ», въ англійскихъ предѣлахъ). Одинъ Ваханецъ, по имени Мулла-Ашуръ, поскакалъ въ Кабуль и доложилъ Абдуррахманъ-Хану о случившемся; онъ такъ посправился эмпро, что тотъ назначилъ его набоомъ въ Ваханъ. Попытки Алі-Мардāн-Шā возстановить свою власть въ Ваханъ окончилась всѣ неудачами и вызывала всякій разъ со стороны Афганцевъ жестокия репрессаліи. Мулла-Ашуръ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и теперь должность Ваханскаго набоа перешла къ его сыну.

II.

Остатки прежняго общественнаго строя.

Въ древнее время жители Ишкашима, Зебака и Вахана дѣлились на касты, и слѣды этого строя остались и теперь. Такъ въ Афганскомъ Ишкашимѣ въ селеніи Турбатъ живутъ потомки лицъ духовной касты, сейпды, которые до сихъ поръ вступаютъ въ бракъ только со своими односельчанами; въ другихъ селеніяхъ жители Турбата исполняютъ обязанности имамовъ и учителей. Говорятъ они все по перепискѣ и даже подъ Афганскимъ владычествомъ пользуются льготами въ платежѣ податей; по официальному Афганскому перчисленію, ихъ 20 домовъ; на самомъ дѣлѣ до 30.

Военную аристократію составляли акѣбирѣ (اکابرانъ отъ اکبر), или наѣкар, приуроченные теперешнимъ строемъ на обоихъ берегахъ Пянджа къ остальному населенію, но сохранившіеся въ сознаніи народа; они встрѣчаются въ разныхъ селеніяхъ, по нѣскольку домовъ въ каждомъ. Въ Зебакѣ селеніе Ничум состояло сплошь изъ акѣбирѣ. При завоеваніи края Афганцами они всего болѣе яростно отстаивали свою независимость и поэтому пострадали сильнѣе другихъ классовъ населенія; они лишились всехъ своихъ старинныхъ привилегій, и Афганцы обложили именно ихъ и потомковъ ихъ самыми тяжелыми налогами. Въ прежнее, до-афганское время, они не платили податей, но были обязаны выходить вооруженными на войну по призыву правителя; дочерей своихъ они не выдавали замужъ за людей, обложженныхъ податями, гордились своимъ происхожденіемъ и заслугами предковъ и слѣдили за своей генеалогіей. Одинъ изъ домовъ акѣбирѣ до сихъ поръ знаетъ имя своего родоначальника, нѣкоего Бурі²⁾. Глава другою

2) Имя, очевидно, тюркскаго происхожденія (بوری — вождь).

такого дома акѣбѣрѣ (въ 1902 году въ селеніи Нуг) считалъ себя настолько знатнѣе своихъ сосѣдей, что предпочелъ выдать свою дочь за прѣзжаго торговца, хаджи изъ Оина, скорѣе чѣмъ за кого-либо изъ нихъ. «Хотя бы и за сарта ее выдать», говорили они: «да ни за кого изъ васъ». Наукар, изъ акѣбѣрѣ, имѣли особыя тарханскія грамоты, откуда пошло ихъ прозвище тархѣн, въ смыслѣ людей, пользующихся привилегіями. Свое потомственное званіе они получили въ разное время, и бывали, напримѣръ, случаи, когда имъ жаловалъ кому-нибудь грамоту на званіе акѣбѣрѣ, выдавая за него свою дочь, и потомство этого лица пользовалось тѣми же правами, какъ и остальные члены сословія.

Существовала также каста «служъ» (чѣкар — چاکر); именемъ ихъ называется и теперь одна мѣстность, откуда селеніе уже исчезло, и гдѣ остались только поля. Въ селеніи Чѣкар жили такіе «служы», на обязанности которыхъ лежало окарауливаніе войска во время похода, а также поставка прислуги правителямъ. Земли чѣкар'овъ были разбросаны по разнымъ селеніямъ, и въ настоящее время эта каста, смѣшавшись съ остальными жителями, не только не составляетъ отдѣльной единицы, но, по большей части, забыла свое происхожденіе. Такое же селеніе, съ тѣмъ же названіемъ Чѣкар, но съ болѣе сохранившимися традиціями, существуетъ въ Зебакѣ; въ этой странѣ и понынѣ удержалось дѣленіе на арбобства, существовавшее раньше и въ Инканимѣ. По этой административной системѣ, на семь арбобствъ приходится одно, называемое Чѣкар, и хотя селенія, входяція въ составъ его, разбросаны между другими населенными пунктами Зебака, принадлежащими къ другимъ арбобствамъ, они тѣмъ не менѣе составляютъ одно арбобство; очевидно, этотъ пережитокъ стараго строя указываетъ на прежній порядокъ, по которому каждая каста имѣла свое отдѣльное управленіе.

Во времена вассальнаго подчиненія Бадахшану, подати взимались слѣдующимъ образомъ: осенью каждый домъ платилъ правителю по одной веревкѣ, одной подковѣ и одному куску бычачьей шкуры на пару «чаруковъ» (мѣстная обувь). Правитель имѣлъ также право требовать два раза въ годъ доѹ-доѹ, т. е. уплаты налога въ размѣрѣ одного шерстяного халата съ четырехъ домовъ, халата, либо снптарѣ, либо въ кускѣ, смотря по требованію. Кроме того хозяина каждаго дома въ Инканимѣ должны были по очереди являться къ имру и служить ему сутки до прихода смѣны. Являясь къ правителю, они должны были приносить одного баранка, одностѣночекъ муки, мѣрой въ два «серъа», одну чашечку молока къ чаю (чѣй-катык), одну чашечку масла, одинъ кусокъ саза для освѣщенія (роғън چراغ) и два ослиныхъ вьюка дровъ. Жена принималась печь хлѣбы изъ приношенныхъ припасовъ, мужъ разводилъ огонь, носилъ воду и проч.

Для отсылки дани въ Бадахшанъ собиралась еще особая подать: съ каждаго дома по 3 теньги и со всего Ишкашима 5 лошадей и до 5 соколовъ. Раскладка производилась по селеніямъ: такъ селенія Хірмані и Оінгардъ должны были вмѣстѣ поставлять одну лошадь и одинъ доў-доў.

Въ Ваханѣ податное сословіе тоже платило по одной веревкѣ, одной кожѣ на пару обуви, одной подковѣ, одной чашкѣ масла, одному барапу и одному мѣшку хлѣба. «Тарбѣн»²⁾ы же, т. е. классъ привилегированныхъ людей болѣе благороднаго происхожденія, въ Ишкашимѣ освобожденные отъ податей, въ Ваханѣ платили по одной головѣ рогатаго скота или по два халата.

Въ Ишкашимѣ и сосѣднихъ странахъ встрѣчаются еще рабы, т. е. люди, купленные за деньги въ Афганистанѣ. Ихъ называютъ хызматгѣр. Человѣкъ же, служащій за деньги, наемникъ, называется јатім³⁾.

Пережиткомъ старинныхъ обычаевъ являются также воззрѣнія на честь и безчестіе. Последнее причиняется выбриваніемъ сухой головы (не смоченной водою). Такъ, напримѣръ, во время возстанія, вспыхнувшего около пятнадцати лѣтъ тому назадъ въ Бадахшанѣ, вслѣдствіе ложнаго слуха о смерти Абдуррахманъ-Хана, къ Бадахшанцамъ, попадавшимися избавиться отъ афганскаго ига, примкнули другія горныя племена. Среди Шугнанцевъ нѣкій Худа-Назар (خواجه نظر) остался вѣренъ Афганцамъ и не соглашался на уговоры сородичей присоединиться къ возставшимъ. Тогда ему выбрили голову бритвой, не смачивая волосъ, и, опозоривъ его такимъ образомъ, посадили на кобылу, привезли изъ Ишкашима, гдѣ онъ тогда находился, въ Шугнанъ, и бросили въ Пянджъ, привязавъ ему камень къ поясу.

2) Отъ. арабскаго یتیم — сирота.

III.

Обычаи, обряды и повѣрія.

1. По случаю рожденія.

Рожденіе сына у людей состоятельныхъ сопровождается праздникомъ, но у бѣдняковъ это бываетъ только въ честь первенца; если родилась дѣвочка, хотя бы она была первымъ ребенкомъ въ семьѣ, туя (توی — пиршество) не бываетъ. Если родился мальчикъ, а отецъ въ это время въ отлучкѣ, то къ нему бѣжитъ «вѣстникъ радости» (міждагѣр) объявить о происшедшемъ, и отецъ долженъ дать ему за это подарокъ.

Когда по селенію разнеслось извѣстіе о рожденіи мальчика, къ его родителямъ въ домъ собираются знакомые: мужчины и женщины. Первые читаютъ молитву о благополучіи новорожденного и приносятъ каждый по небольшому луку (хас-тірык) съ красной тетивой и сильно загнутыми (почти кольцомъ) концами. Въмѣсто стрѣлы въ луку прикрѣплено маленькое деревянное изображеніе сабельнаго клинка. Эти лучки привѣшиваютъ къ веревкѣ, протянутой надъ роженницей отъ стѣны до стѣны, и оставляютъ такимъ образомъ семь дней. Потомъ ихъ собираютъ и вѣшаютъ еще на семь дней на колышки, вбитые въ стѣну; затѣмъ ихъ выносятъ изъ дому и привязываютъ къ какому-нибудь дереву, гдѣ ихъ уже оставляютъ навсегда.

Такіе лучки приносятъ только мужчины; женщины же запасаются мукой, которой обсыпаютъ одѣяло роженницы и стѣны дома, приговаривая: мубѣракъ ву́ні (будь благословенна), но молитвъ онѣ не читаютъ. Если родилась дѣвочка, то въ домъ къ родителямъ приходятъ только женщины; обряды онѣ соблюдаютъ тѣ же, что и при рожденіи мальчика.

Существуетъ также обычай какъ въ Ишкашимѣ, такъ и въ смежныхъ съ нимъ странахъ, что друзья и родственники приходятъ къ дому, гдѣ родился сынъ, и стрѣляютъ изъ ружей; отецъ новорожденного предлагаетъ имъ угощеніе.

2. По случаю свадьбы.

Сыновей въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, женятъ въ Ишкашмѣ только богачи. Временемъ наступленія половой зрѣлости считается 15 лѣтній возрастъ. Бѣдняки же, не имѣя возможности собраться съ силами и отпраздновать свадьбу именно тогда, когда сынъ только еще становиться работникомъ, женятъ его, по большей части, позднѣе, лѣтъ 15 — 20.

До формальнаго сватовства отецъ жениха, обыкновенно, сговаривается наединѣ съ отцомъ невесты. Въ случаѣ согласія послѣдняго на свадьбу, приступаютъ къ открытому сватовству. У отца жениха пекутъ лепешки, которыя онъ затѣмъ несетъ въ домъ невесты; сопровождаетъ его свать, всего чаще человекъ пожилѣй, находящійся въ родствѣ съ семьей невесты. Придя въ домъ къ ней, они подносятъ свои лепешки, а затѣмъ до вечера проводятъ время въ бесѣдѣ съ хозяевами и за угощеніемъ. Вечеромъ же, а иногда только на слѣдующее утро, если ихъ упростили остаться ночевать, свать заводитъ рѣчь о цѣли посѣщенія. Когда родители невесты изъявили свое согласіе, зажигаютъ куреніе на очагѣ и читаютъ молитву, послѣ чего отецъ жениха и свать уходятъ. Спустя нѣкоторое время отецъ жениха снова идетъ къ отцу невесты и заявляетъ о выбранномъ имъ времени для свадьбы; тутъ же они условливаются о вѣнѣ, рѣдятся.

Вѣно никогда не вышачивается скотомъ; состоятъ оно, главнымъ образомъ, изъ кусковъ бумажныхъ матерій, коза, причемъ счетъ имъ ведется на «девятки» (۹), т. е. девять по большей части однородныхъ предметов принимаются за единицу счета. «Девятка» бумажныхъ тканей (самый употребительный товаръ при уплатѣ вѣна) состоятъ изъ девяти кусковъ матеріи длиною каждый въ 12 аршинъ и шириною въ $\frac{1}{2}$ аршина. У бѣдныхъ даютъ за дѣвушку отъ 4 до 7 «девятокъ», у людей состоятельныхъ до 15. На богатыхъ свадьбахъ прибавляютъ къ тканямъ еще разныя вещи для домашняго обихода, напр.: одѣяла, войлоки, чашки, чайники, блюда и т. п., но принимая опять таки девять штукъ за единицу счета. Кроме того, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, въ составъ вѣна входятъ въ разныхъ количествахъ бараныи туши, яхні.

За покупкой главной составной части вѣна, бумажныхъ матерій, отецъ жениха и отецъ невесты ѣдутъ вмѣстѣ либо въ Бадахшанъ, либо въ Шугнанъ, туда, гдѣ имѣется обзоръ, т. е. двѣ-три лавки въ одномъ мѣстѣ. За два дня до свадьбы въ домъ жениха созываютъ нѣсколькихъ стариковъ, и хозяинъ совѣтуется съ ними для выбора лучшаго изъ кусковъ купленной матеріи, каковой и посылаютъ въ домъ невесты вмѣстѣ съ тушей барана. Этотъ обычай называется пішбни («на показъ», «на образецъ», отъ نشان);

во время его совершенія соблюдается кынбра, т. е. передъ тѣмъ чело-
вомъ, который несетъ дары, идетъ другой и кричитъ: кынбра, кынбра
(کِنْبَرَا), «въ сторону, въ сторону!», дабы встрѣчные сторонились. Хотя это
дѣлается, главнымъ образомъ, во избѣжаніе встрѣчи съ людьми, принося-
щими несчастье, но при нѣшбн считается дурной примѣтой встрѣтить
кого-бы то ни было⁴⁾. Посылаемая матерія идетъ на шитье приданого, а
мясо на свадебное угощеніе.

Послѣ отправки нѣшбн начинаютъ готовиться въ свадебному пиру. Въ
домѣ жениха собираются родственники и знакомые, устраивается са-
распа⁵⁾ и пр. Родственники невесты собираются только у нея и въ домѣ
жениха не появляются.

Въ назначенный счастливый часъ (о выборѣ его заранее справляются
у музъ) поѣзжане (исключительно мужчины) отправляются за невестой,
распѣвая пѣсни подъ аккомпаниментъ бубновъ. Въ поѣздѣ бываютъ и пѣшіе,
и конные; послѣдніе считаются украшеніемъ и гордостью поѣзда, но дорого
обходятся хозяину, который долженъ кормить ихъ лошадей. Вѣно везется
вмѣстѣ съ поѣздомъ. Поѣзжане не ѣдутъ прямо въ домъ къ невестѣ, а оста-
навливаются гдѣ-нибудь у ея сосѣдей, куда къ нимъ является колің-бур
(относящій вѣно — قالین‌بر); послѣдняго посылаютъ изъ дома невесты
проверитъ количество и качество вѣна. Ему надѣваютъ хазать и повязы-
ваютъ голову кускомъ матеріи для чалмы (سَلَّ), послѣ чего онъ возвра-
щается въ домъ невесты и заявляетъ, что вѣно въ исправности. Послѣ
этого поѣздъ двигается дальше. Когда до дома уже недалеко, женихъ са-
дится на спинку одного изъ дружекъ, и они первые подходятъ къ дверямъ.
Одинъ изъ родственниковъ невесты держитъ дверь запертой и открываетъ
ее только послѣ выкупа, который ему даютъ въ видѣ одного куска бу-
мажной матеріи.

Когда дверь отворена, жениха встрѣчаетъ одна изъ родственницъ
(обыкновенно тетка) невесты, держа въ одной рукѣ чашку съ молокомъ съ
подбавленнымъ въ него масломъ, а въ другой лепешку хлѣба. Женихъ,
все еще сидя на спинѣ пріятеля, отламываетъ кусочекъ лепешки, обмаки-
ваетъ его въ молоко, кладетъ въ ротъ и запиваетъ молокомъ. Женщина,
обыкновенно жена того челоука, который держалъ дверь, получаетъ свою
долю изъ отданнаго ему выкупа. Кромѣ того дядѣ невесты съ материнской

4) Ишканимцы и сосѣди ихъ, а также и Хуфцы, дѣлятъ людей на два разряда: д а л-
в а т д ѳ р (счастливый, приносящій счастье دولت‌دار) и бѣда д а в а т (несчастливый, не прино-
сящій счастья بے‌دولت).

5) Для этого привязываютъ козла, и всадники стрѣляютъ въ него на скаку съ извѣст-
наго разстоянія; наиболѣе ловкіе стрѣлки получаютъ призы.

стороны даютъ передъ свадьбой *haki shir* (حق شیر), состоящій изъ одежды; 20 аршинъ чалмы (دستار), двухъ платковъ, одной пары галошъ, одной пары серегъ и одной большой бараньей туши. Онъ также выбираетъ себѣ одну изъ лошадей поѣзжанъ и одно ружье.

Затѣмъ всѣ входятъ въ домъ и усаживаются. Начинается угощеніе, а съ наступленіемъ счастливаго часа (также заранѣе опредѣленнаго знающими людьми) приступаютъ къ совершенію брачнаго обряда (نکاح). Мулла подаютъ воды въ чашкѣ, на которой положена скалка (онъ сядя опирается на нее, такъ что она, очевидно, изображаетъ посохъ) и поверхъ скалки нѣсколько аршинъ матерій, которые поступаютъ въ пользу мутлы. Чашка послѣ обряда также становится его собственностью. Одинъ изъ присутствующихъ подноситъ воду по три раза сначала жениху, потомъ невѣстѣ, и они каждый разъ пьютъ изъ чашки; послѣ этого человекъ, подносившій ее, называется падар-хонъ въ отношеніи молодыхъ, т. е. нареченный отецъ, хотя онъ, обыкновенно, бываетъ совсѣмъ молодымъ, но всегда женатымъ.

Послѣ заключенія брака молодую чету усаживаютъ въ особомъ мѣстѣ у очага, отгороженномъ низенькими стѣнками и называемомъ чут-рѣж, гдѣ происходитъ слѣдующая сцена. Существуетъ повѣрье, что въ семейной жизни будетъ первенствовать тотъ изъ супруговъ, который послѣ брачнаго обряда сѣлъ послѣднимъ; поэтому долгое время ни одинъ изъ нихъ не хочетъ сѣсть, и друзья каждого уговариваютъ его перестоять другого. Наконецъ, когда они сговариваются садиться одновременно, парни, пріятели жениха, и дѣвушки, подруги невѣсты, прибѣгаютъ ко всякимъ уловкамъ, чтобы обмануть другую сторону; въ дѣло вмѣшиваются старики, наскучивъ ихъ криками и возней, приходятъ и бранятъ молодежь; но и послѣ этого каждая изъ сторонъ увѣряетъ, что она провезла другую.

Если домъ новобрачнаго неподалеку, то всѣ отправляются туда; въ обратномъ случаѣ остаются ночевать у молодой въ нарочно отгороженномъ углу. Если рѣшено идти въ домъ къ молодому, то зовутъ того дядю невѣсты (хулукъ), который получилъ *haki-shir*, и спрашиваютъ, что онъ даетъ племянницѣ; тогда онъ даритъ ей изъ числа полученныхъ имъ предметовъ галоши и серьги. Когда сборы кончены, одна изъ женщинъ беретъ мукъ, которой кидаетъ три раза въ отверстіе въ крышѣ (дымовое), а затѣмъ, крпча кынбара, бросаетъ ею-же по разу надъ дверью и по ея бокамъ и по тѣмъ-же тремъ сторонамъ второй двери изъ передней (арам), послѣ чего выбѣгаетъ наружу. Всѣ гости выходятъ вслѣдъ за ней, и въ домѣ съ молодыми не остается никого, кромѣ своихъ. На очагѣ разведено куреніе; молодая подходитъ къ нему, притрагивается рукой какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ дымится куреніе, и подноситъ эту руку къ губамъ, затѣмъ ко лбу; взявъ щепотку золы изъ очага, она опускаетъ ее себѣ за голенище.

сапога. Молодой прощается съ родителями жены, поднося ихъ руки къ своему лицу (цѣлуя ихъ или дѣлая видъ, что цѣлуеть), и выходитъ съ женой. Дядя молодой подводитъ лошадь, выбранную имъ изъ حق شیر. Вмѣстѣ съ новобрачной везутъ ея приданое, состоящее изъ одѣялъ и войлоковъ; ихъ обвязываютъ нѣсколькими (2—3) аршинами матеріи, которые даются въ награду принесшимъ вѣно. Везутъ также и съѣстные припасы (хлѣбъ, баурсаки⁶⁾ и т. д.), такъ какъ считается, что первые семь дней въ домѣ мужа молодая должна жить на собственномъ паживеніи, родители даютъ ей на это также масло, муку, довольно большой кусокъ соли и свѣтильничекъ (چراغدان). Одинъ изъ молодыхъ ея родственниковъ, называемый въ данномъ случаѣ цилау-гир'омъ (جلوگیر), ведетъ подъ уздцы ея лошадь. Молодой ѣдетъ впереди жены. Пѣвцы поютъ:

* ای شاه مبارک باد ای * پادشاه مبارک باد ای *

Музыканты колотятъ въ бубны. Подходя къ дому, поютъ:

* خوش آمدی ای * خوش آمدی ای *
* مهمان من ای * خوش آمدی ای * в т. п.

Когда новобрачные подъѣзжаютъ къ дому, одна изъ женщинъ, живущихъ въ немъ, выноситъ чашку молока съ масломъ (но безъ хлѣба), чтобы отпить изъ нея молодая. Но послѣдняя не соглашается слѣзть съ лошади, и ее заманиваютъ обѣщаніями, въ родѣ того, напр., что такая-то корова будетъ считаться ея собственностью; тогда она слѣзаетъ, отпиваетъ молока или, обмочивъ въ немъ палецъ, подноситъ его ко рту. Женщинѣ, поднесшей ей чашку, молодая даритъ кольцо, заранѣе у нея для этого прива-сенное въ особомъ мѣшочкѣ. Заспавъ кто-нибудь беретъ ее на спину и вно-ситъ въ домъ; обыкновенно, это дѣлаетъ جلوگیر, если только онъ не вернулся къ себѣ домой съ поздороги, получивъ свой амаз (вознагражденіе). Когда новобрачную подносятъ къ двери дома, то на порогѣ передъ ней рѣжутъ ба-рана, затѣмъ оттаскиваютъ тупу, и тогда только ей можно войти. Слѣдомъ за молодой стекаются въ домъ сосѣдки, и каждая изъ нихъ кидаетъ мукой (что вообще служитъ знакомъ благоволенія) сначала въ отца новобрачнаго, поздравляя его при этомъ, потомъ въ мать, въ молодого и въ молодую; послѣ этого по разу кидаютъ мукой въ стѣну. Новобрачную сажаютъ въ чут-рѣж;

6) Тѣсто, нарязанное кусочками и испеченное въ кипящемъ маслѣ.

пѣзжане размѣщаются на остальныхъ нарахъ. Имъ даютъ угощеніе, а молодые въ своемъ углу также ѣдятъ, но отдѣльно другъ отъ друга; молодая и на этотъ разъ не соглашается приняться за пищу прежде, чѣмъ получитъ какой-нибудь подарокъ отъ свекра. До этого времени она завѣшана покрываломъ, и только послѣ того, какъ ее посадили въ домъ свекра, нареченный отецъ, падър-хѣн (тотъ, который предлагаетъ ей воду во время бракосочетанія) открываетъ ей лицо той скалкой, которая была въ рукахъ муды во время обряда брака. При этомъ падър-хѣн даритъ молодой платъ (сар-тѣ-пѣ) и корову. Затѣмъ развязываютъ съѣстные припасы, привезенные вмѣстѣ съ новобрачной, и раздаютъ ихъ всѣмъ присутствующимъ женщинамъ, которыя вслѣдъ за этимъ уходятъ.

На другой день послѣ свадьбы молодой присылаютъ изъ дома отца чашку шурпы (нѣрі), если разстояніе между домами небольшое, а въ обратномъ случаѣ — тушу барана. Спустя четыре дня, оттуда же присылаютъ большую деревянную чашку (нѣдѣн) съ тѣстомъ, замѣшенномъ на маслѣ, маленькую чашку съ тѣмъ же тѣстомъ, уже испеченнымъ (эта чашка предназначена специально для молодой) и еще тушу большого барана.

Впродолженіе первыхъ семи дней новобрачная живетъ въ своемъ отдѣленіи, не выходя наружу (кромѣ какого-нибудь экстреннаго случая). Эти семь дней она проводитъ все время въ присутствіи своей мѣдар-і-шір (مادرشیر). Хотя за это время мужъ и спитъ вмѣстѣ съ женой, но до истеченія семи-дневнаго срока не вступаетъ съ ней въ половыя сношенія. Если же мужъ не сдержался, его поведеніе осуждается другими, которые говорятъ: «эдакій петерпѣзливый (بی صبر), не могъ даже дождаться, пока уйдетъ мѣдар-і-шір!» Послѣ семи дней молодую навѣщаютъ ея родители и приносятъ съ собой въ видѣ подарка съѣстные припасы и мастеріи. Передъ ихъ приходомъ является посаженный отецъ (پدرخواند или پدر عروس) съ женой, которая моетъ новобрачную головой.

Если выходить замужъ вдова, то не бываетъ ни подношенія ей мо-зока, ни упрашиванія, ни подарковъ.

Когда у женщины умираетъ одинъ мужъ за другимъ, и если она схоронила такимъ образомъ больше четырехъ (иногда до семи), ее называютъ шѣхыр (мужедѣйца — شوهرخور⁷⁾). Для того чтобы отклонить отъ себя тяготящій надъ пей рокъ, она подходитъ къ какому-нибудь дереву и обнимаетъ его три раза, приговаривая шопотомъ: «о дерево, ты мой мужъ». Дерево должно послѣ этого засохнуть, и этимъ слѣдующій мужъ избавляется отъ опасности умереть. Въ Ишкашмѣ женщина продѣлываетъ это потихоньку, въ одиночествѣ, а не публично, какъ это бываетъ въ Хуфѣ.

7) Въ Бадахшанѣ такая женщина называется сіѣ-бѣліи (черная похушка).

3. По случаю смерти.

Въ случаѣ чьей либо смерти стараются какъ можно скорѣе извѣстить объ томъ родныхъ и знакомыхъ покойника (къ тѣмъ, кто живетъ въ другихъ селеніяхъ, посылають гонцовъ), и они спѣшатъ собраться въ домъ скончавшагося захвативъ съ собою по куску матеріи или что-нибудь изъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Матеріи въ количествѣ, потребномъ на шитье савана, кладутся на покойника; послѣдующія же приношенія складываются рядомъ съ нимъ и идутъ на хозяйство. Изъ нихъ же дается вознагражденіе тому, кто чѣтаетъ коранъ надъ мертвецомъ. Приношенія продуктамъ прямо относятъ въ кладовую. Покойника никогда не оставляють долго непогребеннымъ: если онъ умеръ въ поздень или раньше, его хоронять въ тотъ же день, если поздъ вечеръ, то на слѣдующее утро.

Часть родственниковъ, побывъ недолго въ домѣ, отправляется рыть могилу, причемъ роютъ ее до той или иной глубины, въ зависимости отъ того, предстоитъ ли хоронить мужчину или женщину. Съ покойника снимають мѣрку, и если скончалась женщина, то глубина могилы равна разстоянію отъ ногъ по грудь; если мужчина, то — по поясъ; для мальчиковъ роютъ могилу глубиной, по крайней мѣрѣ, въ одинъ аршинъ, хотя бы по росту покойника и выходило меньше. Дно и бока могилы выкладываютъ камнями. Когда могила готова, ее покрываютъ сверху однимъ, двумя или тремя плоскими камнями, оставляя съ одного конца отверстіе, черезъ которое и пропускають тѣло. Одинъ человекъ влѣзаетъ въ могилу, провѣряетъ правильность положенія покойника и разставляетъ въ опредѣленные мѣста куски сухой глины, называемые кулѹх'ами. Такихъ кусковъ кладется пять, всѣ подъ саванъ: по одному съ каждой стороны головы у ушей, по одному въ ладони обѣихъ рукъ и одинъ между ногами. Значеніе этого обычая толкуется различно. Одинъ изъ горцевъ говорятъ, что кулѹхи обозначаютъ ангеловъ (منکر و نکیر); большинство же увѣряетъ, что они служатъ для отстраненія савана отъ тѣла изъ опасенія, какъ бы руки покойника при постепенномъ высыханіи не захватили савана. Существуетъ повѣріе, что если это случится, то въ домѣ покойника начнутъ умирать одинъ за другимъ остальные члены его семьи. Когда на самомъ дѣлѣ бываютъ такіе послѣдовательные случаи смерти въ одномъ и томъ-же домѣ, разрываютъ могилу того, кто умеръ раньше другихъ, и тщательнo расправляютъ его саванъ.

Тѣло покойника кладутъ въ могилѣ на спину: ногами къ югу, головой къ сѣверу, лицомъ на право, въ сторону Каабы (قبله); бадахшанцы хоронять наоборотъ, ногами къ сѣверу, головой къ югу, но лицомъ также повернутымъ къ Каабѣ, слѣдовательно, на лѣво. Если умершій былъ музыкан-

томъ, то иногда вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ могилу инструментъ, на которомъ онъ игралъ.

Когда тѣло положено въ могилу, оставшееся отверстіе закладываютъ камнемъ и могилу засыпаютъ. Сначала ближайшіе родственники, а послѣ нихъ и остальные присутствующіе кидаютъ на нее каждый по 3 лопатки земли. При наступленіи ночи на могилѣ въ ногахъ у покойника раскладывается костеръ изъ сухого скотскаго помета; огонь тлѣетъ всю ночь и долженъ отпугивать хищныхъ звѣрей (волковъ, лисецъ), которые могли бы иначе разрыть могилу; съ этой же цѣлью посыпаютъ вокругъ могилы порошкомъ, полагая, что звѣри боятся его запаха; бросаютъ также немного пороха въ огонь.

По возвращеніи съ похоронъ, участвовавшимъ въ нихъ предлагается угощеніе изъ блюдъ, принесенныхъ родственниками и знакомыми умершаго. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней они же приносятъ пищу тѣмъ, кто живетъ въ домѣ, гдѣ покойникъ скончался, такъ какъ за это время въ томъ домѣ пищи не готовятъ. Спустя семь дней послѣ похоронъ, окружаютъ рядомъ камней могильный холмъ, чтобы онъ не развалился, и обмазываютъ его глиной; при этомъ съ восточной стороны холма дѣлаютъ небольшую нишу, гдѣ по большимъ праздникамъ зажигаютъ бӯї (курение). Однихъ изъ участниковъ въ похоронахъ, по возвращеніи въ домъ покойника, брѣетъ головы живущимъ тамъ мужчинамъ, а женщины, собравшись со всего селенія, моютъ накопившееся въ домѣ грязное бѣлье, а также одежду, оставшуюся послѣ покойника. Затѣмъ хозяева устраиваютъ угощеніе: мужчинамъ и женщинамъ порознь, послѣ чего жизнь опять вступаетъ въ нормальныя условія.

Трауръ выражается въ ношеніи одежды темнаго цвѣта, иногда попросту старой и грязной; стараются избѣгать бѣлый цвѣтъ, а также чистое или новое платье. Обыкновенно, трауръ длится очень недолго: отъ одной до двухъ недѣль; выражается онъ главнымъ образомъ тѣмъ, что обматываютъ голову и подпоясываются матеріей соответственнаго цвѣта; къ сожалѣнію, не удалось выяснитъ, какой именно цвѣтъ считается въ Ишкашмѣ по преимуществу траурнымъ, такъ какъ горецъ, съ чьихъ словъ это записано, говорилъ савз (سبز), т. е. зеленый, а показывалъ при этомъ на малиновый. Въ Ваханѣ мужчины обматываютъ голову голубоватымъ платкомъ; трауръ носятъ по очень близкомъ лицѣ: братѣ, отцѣ, матери, сынѣ (но не дочери); по жепѣ мужъ надѣваетъ трауръ только если жена ему очень нравилась, была хороша собой; если же она была стара, то траура не носятъ.

Если окажется, что въ одномъ и томъ же селеніи одинъ человѣкъ въ глубокомъ траурѣ (напр. по сыну, умершемъ въ расцвѣтѣ лѣтъ), а другой собирается дать прѣ (ту) по случаю какого-нибудь счастливаго событія,

то, обыкновенно, праздник на время откладывается, а затѣмъ тотъ, кто хочетъ его устроить, идетъ къ тому, кто въ траурѣ, и проситъ у него разрѣшенія на устройство пирра, держа рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержания: «о братъ, мы думаемъ устроить туй; что ты скажешь? Если ты не согласишь, то его не будетъ. Не тужи, все на свѣтѣ мѣняется: сегодня у насъ пиръ, у тебя смерть; завтра у насъ смерть, у тебя пиръ.» Въ отвѣтъ пзъявляется согласіе на туй, и когда угощеніе готово, идутъ за человѣкомъ въ траурѣ, приводятъ на пиръ, обматываютъ ему голову бѣлой чазмой и, усадивъ его, даютъ въ руки бубенъ, въ который онъ нѣсколько разъ ударяетъ, очевидно, выражая этимъ свое участіе въ весельѣ; затѣмъ терется въ толпѣ гостей и, поспѣвъ немного съ ними, послѣ ѣды потиховьку уходитъ домой. Когда срокъ траура кончается, то (въ Ваханѣ) родственники и знакомые собираются къ тому, кто въ траурѣ, приносятъ ему подарки одеждой и съѣстнымъ, брѣютъ ему голову (которой онъ во время траура не брѣлъ), одѣваютъ его въ новыя одежды и ѣдятъ съ нимъ принесенную пищу. Затѣмъ хозяинъ въ ознаменованіе конца своего траура рѣжетъ барабанъ и угощаетъ гостей, которые послѣ этого расходятся ⁸⁾).

Среди мужичиъ, какъ въ Ишкашми, такъ и въ окрестныхъ долинахъ, случаи самоубійства сравнительно рѣдки, среди женщинъ они гораздо чаще. Большею частью ихъ вызываютъ преслѣдованія, испытываемыя невѣстками отъ свекровей (бывали случаи самоубійства отъ страха передъ упреками свекрови за разбитую посуду) или же обнаруженіе любовной связи. Смерти ищутъ разными способами: топятся, вѣшаются, кидаются со скалъ. Существуетъ повѣріе, что въ случаѣ самоубійства «грѣхъ» за него падаетъ на человѣка, притѣсненія коего довели жертву до бѣды, и мучиться за грѣхъ будетъ притѣснитель. Такимъ образомъ, самоубійство является скорѣе местию, чѣмъ проявленіемъ отчаянія.

4. Семья, родственныя чувства, раздѣлы, порядокъ наслѣдованія, хозяйство, поѣзды, уборка.

Вообще у горцевъ въ верховьяхъ Пянджа родственныя чувства сильно развиты. Напр., въ случаѣ нанесенія обиды, за потерпѣвшаго вступаются его родственники; если на кого-нибудь наложенъ штрафъ или пеня, то род-

8) Въ Дарвазѣ существуетъ обычай послѣ смерти близкаго человѣка ставить каждое утро въ домѣ жаровню съ особой травой (не іспанд, употребляемой обыкновенно для курений) и курить ее въ честь умершаго. Если покойникъ былъ очень почтеннымъ человѣкомъ, или если память его особенно дорога, то продолжаютъ это дѣлать иногда цѣлый годъ; въ другихъ случаяхъ только недѣлю или двѣ. Этотъ обычай, называемый буї, въ Ишкашми не соблюдается.

ственники же помогаютъ при выплатѣ, производя раскладку между собой. Передъ началомъ какого-бы то ни было дѣла затѣвующій его всегда совѣтуется съ родственниками, и только тогда принимаетъ окончательное рѣшеніе.

Въ Ишкашмѣ, Ваханѣ, Горонѣ и Зебакѣ члены одной семьи стараются жить вмѣстѣ, не раздѣляясь; то же самое наблюдается и въ Шугванѣ, кромѣ Хорога, гдѣ раздѣлы бывають очень часто. Какъ при жизни отца, такъ и послѣ его смерти, сыновья, по большей части, продолжаютъ жить вмѣстѣ; когда подростаютъ новые члены семьи, для нихъ пристраиваются спальни, но для обѣда и ужина всѣ собираются въ одну комнату. Если же и случается, что взрослые братья расходятся и селятся порознь, то это происходитъ, главнымъ образомъ, изъ-за ссоръ между женщинами. Обыкновенно раздѣлы бывають только между внуками, и то если семья слишкомъ разрослась. Въ случаѣ раздѣла между братьями, домъ отца переходитъ къ младшему брату, старшій же получаетъ самый большой участокъ земли. Если остались дѣти отъ разныхъ матерей, то они получаютъ равныя части наслѣдства, т. е. потомство отъ одного брака получаетъ столько же, сколько потомство отъ другого, хотя бы съ одной стороны былъ лишь одинъ ребенокъ (даже одна дочь, которая тогда называется *духтарі сузбі* دختر سوبی т. е. «родная, законная (по преимуществу) дочь»), а съ другой—много дѣтей. Имущество женъ, приносимое ими съ собой въ приданое, напр. скотъ, продолжаетъ считаться ихъ собственностью; даже приплоду отъ такого скота ведется особый счетъ. Обыкновенно женщина дѣлитъ свое достояніе между своими дѣтьми еще при жизни; въ случаѣ же смерти матери безъ распоряженій объ имуществѣ, таковое дѣлится только между ея дѣтьми, безъ участія въ дѣлежѣ дѣтей другой жены. Довольно часто встрѣчаются семьи въ 30 — 40 человекъ, въ сел. Вырангъ въ Ваханѣ есть семья, въ которой насчитываютъ до 116 человекъ; глава ея называется *Мирабѣи* (میرابان); само собою разумѣется, благосостояніе и инвентарь семьи въ такомъ случаѣ соответствуютъ ея численности.

Въ Бадахшанѣ, населенномъ суннитами, существуютъ другія нормы обычнаго права при раздѣлахъ.

«Старшимъ» въ семьѣ, гдѣ умеръ отецъ, бываетъ не обязательно старшій изъ братьевъ, а всего чаще наиболѣе слышанный и сообразительный изъ нихъ; послѣ того, какъ онъ выбранъ, ему подчиняются и старшіе братья. Въ семьѣ бывають, обыкновенно, двѣ главы: одна—старшій (*калѣи хѣна* «старшій въ домѣ») остается дома, слѣдитъ за полевыми работами и хозяйствомъ, заведуетъ заготовкой одежды и обуви на всю семью; другой—младшій, подчиненный первому (*мӯсафид* «сѣдовласый», на самомъ дѣлѣ очень часто молодой), заведуетъ дѣлами, требующими

отмучки, такъ сказать, *онимыми* сношеніями (کارهای بیرون میدان), напр., ходитъ на совѣщанія по раскладкѣ податей, отвозитъ на продажу продукты домашняго производства (сыръ, шерстяныя матеріи, шкуры) и т. п. Все, вырученное отъ продажъ, онъ представляетъ главѣ семьи. Семья одѣваетъ мұсафід'а лучше, чѣмъ прочихъ своихъ членовъ, даже лучше, чѣмъ калѣні-хѣна, потому что онъ, какъ говорятъ горцы: «ходитъ на сторону, вращается среди друзей у недруговъ нашихъ: надо, чтобы онъ ходилъ одѣтый въ хорошее платье» (در بیرون میرود در پیش دوستا و دشمنای ما میگردد باید که جامهٔ خوب پوشیده رود). Во всѣхъ важныхъ вопросахъ рѣшеніе принимается послѣ совѣстнаго совѣщанія обоихъ главъ. На эти должности отецъ обыкновенно назначаетъ сыновей, сообразно ихъ способностямъ, еще при жизни. Назначаетъ онъ ихъ, когда чувствуетъ себя уже не въ силахъ вести хозяйство, или даетъ на это завѣтъ передъ смертью. Если дѣти рано лишлись отца и выросли безъ калѣні-хѣна и мұсафід'а, то они потомъ сами ихъ выбираютъ промежъ себя.

Печеніе хлѣба, молочное хозяйство, отходъ на лѣтнія пастбища (ајлѣк) составляютъ занятія исключительно женскія; завѣдуетъ каждымъ изъ нихъ поочередно въ теченіе года одна изъ женщинъ въ семьѣ. Срокъ, когда кончается одна очередь и начинается другая, совпадаетъ съ осенью, или точнѣе съ концомъ уборки хлѣба. Тутъ происходитъ общая смѣна должностей; такъ молочное хозяйство переходитъ въ руки той, которая занималась, напр., печеніемъ хлѣба и наоборотъ. Старшей среди женщинъ считается свекровь; послѣ ея смерти власть ея получаетъ калѣні-хѣна; онъ долженъ относиться ко всѣмъ членамъ семьи съ равнымъ безпристрастіемъ, напр. къ племянникамъ такъ же, какъ къ своимъ дѣтямъ, къ женамъ братьевъ, какъ къ своей женѣ. Въ случаѣ смерти калѣні-хѣна, на его мѣсто избирается кто-нибудь изъ его родственниковъ (обыкновенно, братъ покойника), но, какъ уже сказано выше, не старшій по возрасту, а наиболѣе выдающійся по способностямъ.

Ячмень сѣютъ два раза въ день. Первый разъ 30 дней спустя послѣ Новаго Года, причемъ сѣетъ каждый самъ по себѣ. Этотъ ячмень называется мартовскимъ, амалі (حالی). Другой рядъ сѣютъ въ то время, когда въ Бадахшанѣ, Чвтрахъ и Шугнанѣ посѣваетъ тутъ (шезковьяца). Начинаютъ посѣвъ послѣ 90-го дня отъ Новаго Года (конецъ весны). Этотъ посѣвъ ячменя называется амрѣт. Отличается онъ отъ прочихъ посѣвовъ тѣмъ, что въ работѣ участвуютъ всѣ жители селенія; они созываютъ другъ друга на «помочи» (ашар حشر), и по окончаніи общаго труда хозяинъ поля, ихъ угощаетъ. На слѣдующій день, или, если кончили рано, то въ тотъ же день переходятъ къ другому односельчанину и т. д. Посѣвъ этотъ длится 10 дней. Подобный обычай кромѣ Ишкашима существуетъ и въ Ваханѣ;

въ Зебакѣ его нѣтъ. Каждый домъ устраиваетъ «помочы» и зимой, обыкновенно три раза (а у кого мало скота, то всего одинъ или два раза) для выноски накопившагося въ хлѣвѣ коровьяго навоза на пашню, гдѣ его связываютъ въ кучи до весны. Первый разъ такимъ образомъ унаваживаютъ землю, оставленную подъ посѣвъ гороха (бѣкыла), второй—подъ пшеницу, третій—подъ ячмень. Пометъ бараний и козій идетъ на топливо.

Фруктовыхъ деревьевъ, кромѣ немногихъ уроковыхъ (абрикосовыхъ) не сажаютъ; въ Ишкашмѣ, Зебакѣ и Ваханѣ нѣтъ даже традиціоннаго таджикскаго тута; тутовые ягоды привозятъ въ эти страны изъ Бадахшана вмѣстѣ съ орѣхами и яблоками въ обмѣнъ на шерсть. Говорятъ, что не сажаютъ фруктовыхъ деревьевъ изъ-за сильныхъ вѣтровъ, будто бы уносящихъ весною цвѣтъ, хотя въ старое время, очевидно, были фруктовые деревья, такъ какъ корни ихъ и теперь откапываютъ при расчисткѣ полей.

Въ прежнее время, при афганскомъ владычествѣ, постоянно происходили ссоры и даже драки между сосѣдями изъ-за земли, въ особенности весной, когда приступали къ посѣву. Каждый хотѣлъ захватить участокъ побольше, причемъ бѣдные въ оправданіе свое говорили, что Афганцы полагаютъ одинаковыя подати на всѣ дома, между тѣмъ какъ у богатыхъ земля больше, чѣмъ у нихъ. Съ водвореніемъ бухарской власти все измѣнилось; ссоры, и особенно драки, много исчезли. Раньше можно было ссориться не только совершенно безнаказанно, но даже не безъ выгоды; при Бухарахъ же власти стали сейчасъ выѣшпваться въ дѣло и брать все, что можно, и съ виноватаго, и съ праваго; такая система быстро привела къ установленію постояннаго мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Теперь Ишкашпыцы говорятъ своимъ сородичамъ по ту сторону рѣки во время традиціонныхъ весеннихъ дракъ: «вотъ бы вамъ такого-то хакима (называя по имени своего бухарскаго бека), вы бы узнали, что значить драться»⁹⁾.

При началѣ пахоты соблюдается слѣдующій обычай. Варится особое блюдо, называемое кѣчѣ, изъ муки на водѣ, куда потомъ подбавляютъ молока и масла; готовится кѣчѣ, повидѣмому, только въ этотъ день, разъ въ году. Блюдо приносятъ на поле: хозяинъ зачерпываетъ полную ложку, выпиваетъ ее себѣ на ладонь и, ставъ передъ быками, запряженными въ плугъ, но еще не начавшими работы, брызжетъ имъ на морды кѣчѣ и размазываетъ рукой. Только тогда люди, пришедшіе съ хозяиномъ на пашню, принимаются за дѣлу, но они не должны сѣять всего до конца, а оставшуюся часть кушанья берутъ и размазываютъ на лица другъ другу.

Есть и повѣрія, связанные съ началомъ полевыхъ работъ. Послѣ того,

9) Записано въ 1900 году.

какъ хозяинъ приступилъ къ пахотѣ, онъ беретъ нѣсколько зеренъ хлѣба и потихоньку прокрадывается домой, стараясь, чтобы его не увидѣли женщины. Последнія не знаютъ точно, когда онъ началъ работу на полѣ, но въ ожиданіи его прихода припязываютъ къ ручкѣ одной деревянной ложки небольшую полоску желѣза, обыкновенно служащую для выскребыванія деревянныхъ чашекъ. Хозяйка, сидя въ домѣ, прислушивается, не раздаются ли шаги мужа, прикрѣпляетъ на дѣтей и домашнихъ, чтобы они молчали, и посылаетъ дѣвочку смотрѣть, не видно ли приближающагося хозяина. Онъ между тѣмъ подкрадывается, взбѣгаетъ по ступенькамъ лѣстницы, бросаетъ зерна на крышу и убѣгаетъ, стараясь все время остаться незамѣченнымъ. Если это ему удастся, то считается, что въ наступающемъ году онъ будетъ первенствовать въ семьѣ. Если же услышали, и хозяйка успѣла его предупредить, бросивъ на крышу черезъ дымовое отверстіе ложку съ желѣзкой, то мужъ будетъ у нея подъ башмакомъ. Смотрятъ также, какъ ложка упала: если двомъ вверхъ, то годъ будетъ голодный, если внизъ — урожайный.

Окончаніе уборки хлѣба сопровождается очень характерными обычаями. Когда хлѣбъ обмолоченъ и собранъ на гумнѣ въ кучу (называемую по ишканимски *у́сір*), хозяинъ приноситъ заранее приготовленный комокъ помета отъ рогатаго скота (¹⁰ *сѣргинъ гау*), обноситъ три раза на лопатѣ вокругъ зерна, кладетъ на верхъ *у́сір*а, и покрываетъ комокъ зерномъ, такъ чтобы его не было видно; оставивъ лопату тутъ же, онъ уходитъ домой ¹¹). Дома онъ объявляетъ, что работы на гумнѣ кончены, и что пора варить *ош* (*ош*), или *оші сіпа* ¹²). Пока идутъ приготовленія къ варкѣ, домохозяинъ разводитъ куреніе (*бӯј*) на приступочкѣ очага, мѣстѣ для этого обычномъ, и держитъ особый деревянный кувшнъ, въ который ему предстоитъ насыпать зерно, отверстіемъ внизъ надъ куреніемъ, такъ чтобы кувшнъ наполнился дымомъ. Заткнувъ затѣмъ горло сосуда мѣшкомъ, онъ несетъ его на гумно,

10) Этотъ (и только этотъ) пометъ быка называется *алѣбѣжук* и получается слѣдующимъ образомъ: на утро Нового Года, на разсвѣтѣ вводятъ въ домъ быка, изъ числа бывшихъ на пашнѣ, даютъ ему травы съ мукой (сѣчку) и ждутъ, пока онъ не испражнится. Хозяинъ беретъ пометъ руками, дѣлаетъ изъ него комокъ, въ который онъ кладетъ нѣсколько зеренъ личина, и комокъ этотъ ставитъ внутри дома на стѣнку, не доходящую до потолка и называемую на мѣстномъ персидскомъ (таджикскомъ) говорѣ *чагш*, или *карсіи*, а по ишканимски *мѣнда*. Таки комокъ засыхаетъ и осенью служитъ для описываемаго обряда.

11) Этотъ обычай соблюдается у Ишканимцевъ, Ваханцевъ, Зебакицевъ и Санганицевъ; основаніемъ для него, по словамъ горцевъ, служитъ значеніе навоза въ сельскомъ хозяйствѣ, благодарность за то, что онъ даетъ плодородіе. У Бадахшанцевъ вѣсто навоза берутъ кусокъ земли и такъ же прячутъ его въ верхней части кучи зерна.

12) *Сіпа*, таджикское названіе кучи зерна на гумнѣ, перешло на кушанье, приготовляемое по случаю конца уборки.

держа подъ мышкой и крѣпко прижимая къ боку, чтобы дымъ не вышелъ. При этомъ передъ нимъ бѣжитъ другой человѣкъ, который кричитъ: ё, ёдам, кынѣра, кынѣра! и тѣмъ заставляетъ сторониться всѣхъ встрѣчныхъ изъ опасенія, что среди нихъ можетъ попасться человѣкъ, приносящій несчастье; конечно могъ-бы, наоборотъ, встрѣтиться и человѣкъ, приносящій счастье, и это считалось бы очень благопріятнымъ обстоятельствомъ, но предпочитаютъ не подвергаться риску дурной встрѣчи. На гумнѣ хозяинъ три раза прикасается краями отверстія сосуда къ тремъ разнымъ мѣстамъ кучи зерна, отъ чего благодѣтельная сила куренія¹³⁾, разведеннаго на очагѣ, должна сообщиться зерну. Поставивъ вслѣдъ за этимъ кувшинъ на землю, хозяинъ сначала насыпаетъ въ него три пригоршни зерна, а затѣмъ дополняетъ до верху обычнымъ образомъ, т. е. прислонивъ кувшинъ къ кучѣ. Эту первую насыпку онъ сыпаетъ на гумнѣ отдѣльно; она предназначается въ пользу лицъ духовнаго сословія и такъ и называется *حق امام*. Потомъ уже онъ начинаетъ перетаскивать свой хлѣбъ домой, въ амбаръ; если хлѣба много, то помогаютъ сосѣди. Хлѣбъ (какъ и вообще всѣ тяжести) переносится на спину, но въ виду малыхъ размѣровъ полей, а, слѣдовательно и урожая, уборка его въ амбарѣ занимаетъ немного времени, и безъ долгой провозочки принимаются за угощеніе, приготовленное для этого случая. Такимъ же обрядами сопровождается уборка кучи каждаго рода пищевыхъ зерепъ съ гумна: пшеницы, ячменя, гороха, проса; особый почетъ оказывается пшеницѣ: когда очередь доходить до нея, готовится пища лучшаго качества.

Когда всѣ хлѣба убраны съ гумна, хозяинъ дома беретъ метлу, которой подметали гумно, и дѣлаетъ изъ нея куклу, обернувъ ее вывороченной шубой и другими предметами изъ одежды; затѣмъ, взявши сдѣланное имъ чучело на спину, несетъ его домой открыто, не стѣсняясь встрѣчей съ посторонними на дорогѣ. Въ Хуѣ существуетъ подобный же обычай, но практикуется онъ лишь тогда, когда уже весь хлѣбъ смолотъ на мельницѣ; при перенесеніи куклы въ домъ, Хуфцы стараются избѣгать встрѣчи съ посторонними. Кукла эта называется *кампірык* (старушка — *کپیر*). При внесеніи ея въ домъ хозяйка кидаетъ ей въ спину мукой (въ знакъ почтенія и расположенія); ее сажаютъ на почетное мѣсто, и хозяинъ говоритъ: «Приготовьте пищу для старушки, да помягче, чтобы была по зубамъ; устала она, работавши на гумнѣ: видите, у нея даже руки скрючилось.» Куклу дѣлаютъ, привязавъ палку поперекъ метлы; она изображаетъ плечи старухи, но такъ какъ рукава надѣтаго на палку халата длиннѣе ея самой, то они

13) Разсказчикъ говоритъ: *برکت دوی*.

свѣшпваются съ копцовъ, что и служить основаніемъ шутки про скрюченныя руки. Несмотря однако на общаніе хозяйна, старуха не участвуетъ въ обѣдѣ; если работу кончили къ вечеру, то во время ужина она стоитъ у стѣны и служить поводомъ для шутокъ и остротъ; если же ее принесли двумъ, то еще задолго до ужина ее развизываютъ и всѣ части ея разбираются по своему прямому назначенію.

Послѣ переноски хлѣба въ амбаръ, приступаютъ къ помозу, причемъ опять-таки соблюдаются нѣкоторые старинные обычая. Специалистовъ-мельниковъ въ Ишкашмѣ нѣтъ ¹⁴⁾, а каждый идетъ на мельницу и самъ мелетъ свой хлѣбъ; вечеромъ того дня, когда онъ приступилъ къ помозу, мелющій разводитъ оговъ, кладетъ нѣсколько горячихъ угольевъ на камень и несетъ его къ жолобу, по которому вода течетъ къ мельничному колесу; поставивъ камень подъ жолобомъ, онъ куритъ новой мукой, смѣшанной съ масломъ; куренье это имѣетъ цѣлю умягчить воду, какъ стѣхию, чтобы она не вредила мельницѣ и хорошо молола. Затѣмъ берутъ немного воды изъ жолоба и, смѣшавъ ее съ новой мукой, мѣсятъ тѣсто, изъ котораго пекутъ одинъ или нѣсколько хлѣбовъ (кумбъ), смотря по числу присутствующихъ; когда хлѣбъ испеченъ, его посыпаютъ масломъ и дѣлятъ между членами семьи, которые тутъ же съѣдаютъ его; если хозяйнъ въ это время отсутствуетъ, то ему обязательно оставляютъ его часть; если же онъ дома, то онъ съѣдаетъ первый изъ приготовленныхъ хлѣбовъ, или начинаетъ ѣсть равнѣе другихъ, если испеченъ лишь одинъ хлѣбъ, а затѣмъ уже раздаетъ остальное всѣмъ присутствующимъ.

Послѣ помола отсыпаютъ немного муки для домашняго употребленія на нѣкоторое время (она называется піц-хыр, т. е. *پیش خور*), остальную же ссыпаютъ въ амбаръ. Изъ отсыпанной муки устраиваютъ угощеніе и кромѣ того изъ нея же пекутъ особый хлѣбъ, называемый басык, съ четырьмя бугорками (назыв. *گوشه*) на немъ. Послѣ обильнаго угощенія, когда всѣ наѣдаясь досыта, хозяйка беретъ басык и предлагаетъ его всѣмъ по очереди, обходя сначала стариковъ и кончая ребятишками, причемъ всѣ обязательно отказываются, говоря бас, т. е. «довольно», откуда и названіе самого хлѣба. Обойдя гостей, хозяйка кладетъ ненадолго басык на приступку у очага (тамъ, гдѣ обыкновенно разводятъ куреніе), а затѣмъ относятъ въ амбаръ и оставляетъ на стропахъ, гдѣ его уничтожаютъ мыши. Этотъ обычай существуетъ только въ Ишкашмѣ; въ Ваханѣ его нѣтъ.

Когда отсыпанная для домашнихъ надобностей мука приходитъ къ концу, берутъ изъ амбара новый запасъ, по это можно дѣлать только въ

14) Въ Ишкашмѣ на 100 домовъ 12 мельницъ; за помолъ платятъ опредѣленной частью муки.

четвергъ или въ пятницу. Если мука кончилась за нѣсколько дней до четверга, то предпочитаютъ голодать или питаться чѣмъ-нибудь другимъ, но запаса муки не трогать. Кромѣ Ишкашпа, это соблюдается также въ Ваханѣ и въ Зебакѣ.

Окончаніе жатвы называется дѣсѣвиз (داس آويز — вѣшаніе серпа), т. е. серпъ въ этомъ году служить уже не будетъ. Обыкновенно, жнецъ (по большей части хозяинъ), вернувшись домой по окончаніи жатвы, беретъ два серпа и окружаетъ ими, какъ кольцомъ, шею хозяйки; она начинаетъ кривать, что ей страшно, что ее могутъ ранить и т. п.; жнецъ обѣщаетъ выпустить ее за выкупъ, и, послѣ недолгаго спора, обыкновенно, сходятся на угощеніи; тогда хозяйку освобождаютъ. Окончаніе переноски сжатого хлѣба на гумно называется кошѣвиз отъ названія доски (кошт), которую кладутъ на спину и на которой прикрѣпляютъ снопы палкой; кошт тоже набрасываютъ на хозяйку и подобнымъ же образомъ выпускаютъ ее за сѣщеніе угощенія.

Въ Зебакѣ, въ селеніи Бѣрѣв (30 домовъ), сохранился слѣдующій обычай. Послѣ того какъ произведены посѣвы, жители этого селенія перестаютъ употреблять желѣзные предметы и не даютъ другимъ пользоваться таковыми, въ убѣжденіи, что если раздастся звукъ отъ удара желѣза о твердый предметъ, непременно наступятъ внезапные преждевременные холода, и урожай погибнетъ. На этомъ основаніи они послѣ посѣва прячутъ всѣ металлическія вещи, такъ что, напр., при поливкѣ и другихъ лѣтнихъ полевыхъ работахъ употребляютъ деревянные лопаты вмѣсто желѣзныхъ; когда поспѣваютъ горохъ и ячмень, ихъ жнутъ не желѣзными, а роговыми серпами (изъ роговъ дикихъ козловъ); точнѣе сказать, этими роговыми серпами не жнутъ, а вырываютъ горохъ и ячмень съ корнями, такъ какъ у этихъ равнинъ хлѣбовъ корни неглубокіе, и при такомъ способѣ жатвы, растенія остаются цѣлкомъ въ рукахъ жнеца. Когда подходитъ время жать пшеницу, то между односельчанами поднимаются пренія: одни жалуются, что ихъ пшеница начинаетъ осыпаться, что пора ее жать, другіе же утверждаютъ, что у нихъ она не поспѣла. Наконецъ рѣшаютъ приступить къ жатвѣ, и тогда всѣ въ одинъ и тотъ же день берутся за работу, на этотъ разъ уже желѣзными серпами, и съ этого дня до новаго посѣва пользование желѣзными предметами разрѣшено; но пока хлѣбъ еще на корню, запретъ строго соблюдается всѣми. Мало того, отъ посѣва до жатвы лошадей угощаютъ въ горы, или, по крайней мѣрѣ, стараются держать ихъ подалеке отъ полей, такъ какъ они бывають иногда подкованы, и желѣзная подкова могла бы звякнуть о камень; а если лошади и не подкованы, то все же на нихъ могутъ быть узды, отъ которыхъ, того гляди, произойдетъ бряцаніе. По этой же причинѣ жители названнаго селенія не пускаютъ къ себѣ

до жатвы верховыхъ. Когда Афганцы овладѣли Зебакомъ, то услышавъ про это повѣріе, ихъ власти рѣшили его уважать; узнали они про него слѣдующимъ образомъ: мѣстный афганскій правитель надумалъ лѣтомъ проѣхать верхомъ по зѣмлѣ Горивцевъ; все населеніе высыпало ему навстрѣчу и заявило, что если онъ переѣдетъ черезъ ихъ границу, они бросятъ селеніе и уйдутъ, такъ какъ холодъ неминуемо уничтожитъ посѣвы, и имъ нечего будетъ ѣсть; Афганцы повернули обратно и оставили ихъ въ покоѣ. Повѣріе это существуетъ въ одномъ только селеніи Бѣрѣв.

5) Счетъ времени, Новый Годъ, праздники, охота, игры, разсказки, болѣзни и ихъ леченіе.

Счетъ временамъ года и мѣсяцамъ ведется по солнцу, т. е. по тому, въ какой точкѣ окрестныхъ горъ солнце встаетъ и закатывается въ тотъ или другой періодъ года; введеніе этого счета приписывается Нѣсір-Хасраву. Кромѣ того, почти въ каждомъ домѣ есть отмѣтки на стѣнѣ, до той или другой изъ которыхъ доходить въ разное время солнечный лучъ, проникающій черезъ дымовое отверстіе въ крышѣ (روزن — по ишканимски рѣцѣн). Такъ, напр., часто встрѣчается отмѣтка на томъ мѣстѣ, куда лучъ доходитъ при наступленіи Новаго Года. Такія опредѣленныя мѣста, какъ въ домѣ, такъ и въ горахъ, служащія точками проверки времени года, называются آفتاب نشان. Кромѣ счета по днямъ существуетъ также счетъ на части человѣческаго тѣла, какъ въ Шугнанѣ, хотя тамъ онъ болѣе распространенъ, нежели въ Ишканимѣ и Ваханѣ; по этому счету, начиная отъ Новаго Года, извѣстное число дней соответствуетъ разнымъ частямъ ногъ, туловища, груди, шеи и головы. Въ году считается 365 дней; изъ нихъ на три мѣсяца весны приходится 94, — лѣта 93, — осени и зимы по 89; мѣсяцевъ двѣнадцать, Новый Годъ справляютъ весной.

На бухарскомъ берегу Пянджа, въ селеніяхъ Рынд и Наматгитъ, населенныхъ Ишканимцами (хотя въ Наматгитѣ, лежащемъ на границѣ Вахана, говорятъ по вахански), въ прежнее время, т. е. до послѣдняго русско-афганскаго разграниченія, соблюдался слѣдующій обычай: когда наступалъ Новый Годъ, то въ продолженіи недѣли жители этихъ двухъ селеній сами не ходили въ другія села и не пускали никого изъ постороннихъ къ себѣ; по истеченіи семи дней одинъ человѣкъ обходилъ всѣ дома и въ каждомъ читалъ молитвы; человѣка этого называли сѣзворі. Послѣ его обхода селеніе считалось открытымъ для сношеній съ окружающими. Съ расположеніемъ въ бухарскихъ предѣлахъ Западныхъ Памирскихъ постовъ, обычай этотъ не оказался возможнымъ соблюдать съ прежней строгостью, такъ

какъ Рынд и Наматгыт стоятъ на дорогѣ, соединяющей русскіе посты, и Таджикиамъ нельзя было прекратять по ней движеніе. Въ селеніи Хірмани на другой день послѣ празднованія Новаго Года на разсвѣтѣ, до перваго намаза, вводятъ въ домъ осла или барана и даютъ ему ячменя; въ Зебаки осла вводятъ въ день Новаго Года въ полдень. До этого постороннихъ въ домъ не пускаютъ, а послѣ ввода осла всѣ ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями, говоря при входѣ: шѳгуні бѳбр мубѳрак бѳшад ¹⁵⁾, и затѣмъ читаютъ молитву, встрѣчая гостей, пмъ кладутъ въ спину мукой.

Въ Ваханѣ этотъ обычай сохранился позднѣе. Въ ночь послѣ празднованія Новаго Года, передъ разсвѣтомъ, въ каждомъ домѣ кто-нибудь встаетъ, выводитъ изъ конюшни осла и верхомъ на немъ въѣзжаетъ къ себѣ въ домъ на разсвѣтѣ; челоуѳка этого въ данномъ случаѣ также называютъ сѳзѳѳри. До его приѣзда никто изъ дома не выходитъ. Подѣѳхавъ къ дому, онъ стучитъ въ дверь и кричитъ: «я привезъ счастье Ишкашима, привезъ счастье Зебака, привезъ счастье Шугнана, Бадахшана, отворите двери! Мурд, зурд, зурд!» (далѳѳати Шікѳшім ѳѳѳом далъ и т. д.). Ему отворяютъ дверь, и онъ въѣзжаетъ въ домъ на ослѣ, приговаривая три раза «зурд» ¹⁶⁾, затѣмъ говоритъ: «шѳгуні бѳбр мубѳрак бѳшад», слѣзаетъ съ осла и прочитываетъ молитву; оселъ же ѳѳстъ заранѣе приготовленный для него ячмень. По прочтеніи молитвы, сѳзѳѳри припнимаетъ какое-нибудь незначительное подношеніе и ведетъ осла обратно на конюшню. Съ утра кануна и до введенія осла постороннихъ въ домъ не пускаютъ.

Въ Ишкашимѣ при наступленіи Новаго Года идутъ приготовленія къ празднику. Въ послѣднюю ночь стараго года не оставляютъ въ домѣ никого изъ постороннихъ; на разсвѣтѣ, когда еще темно, домохозяинъ беретъ хлѣбъ, испеченный въ лепешку, кладетъ его за пазуху и, захвативъ войлокъ или небольшой пазасъ, баранью шкуру или что-нибудь похожее на одинъ изъ этихъ предметовъ, выходитъ, стараясь не идти противъ извѣстной звѣзды, приносящей несчастье, и не глядѣть на нее; само собою разумѣется, ему приходится заранѣе изучить и обдумать, какимъ способомъ ему избѣжать злого вліянія звѣзды. Выйдя изъ дому, онъ бросаетъ взятый имъ войлокъ или шкуру на дерево или на заборъ, а самъ идетъ наломать немного тростника, который онъ приносятъ съ собой обратно въ домъ. Этотъ обычай свято соблюдается какъ въ Ишкашимѣ, такъ и въ Ваханѣ. По возвращеніи хозяина домой, крошатъ хлѣбъ, бывший у него за пазухой, въ чашку съ молокомъ, и онъ наѣдается этимъ кушаньемъ до-сыта. Дѣлается это въ

15) «Да будетъ благословенъ праздникъ весны».

16) Въ настоящее время, повидимому, это слово не сохранило прежняго значенія; не названіе ли это какого-нибудь древняго божества?

знакъ того, что наступающій годъ долженъ быть «сытнѣй» (سیر), обильный, урожайный. Изъ принесеннаго главой семьи тростника дѣлають четыре вѣника, которыми женщины счищаютъ копоть со стѣнъ. При этомъ существуетъ примѣта: если одна или нѣсколько тростиннокъ застрянутъ во время работы въ потолокъ, то у хозяина должно родиться много хлѣба; если въ стѣнѣ надъ очагомъ, то въ наступающемъ году женщины будутъ добывать много масла изъ молока своего скота.

Когда очистка кончена, женщины спрашиваютъ, наступилъ ли часъ, когда нужно выносить сажу и пыль, которая ояѣ сгребая. При утвердительномъ отвѣтѣ одна изъ женщинъ беретъ корзинку съ копотью подъ мышку и, накрывши голову халатомъ, чтобы не упасть сонца, выносить соръ подальше отъ дома, высыпаетъ его и возвращается обратно все еще съ покрытой головой; потомъ двѣ женщины приступаютъ къ обсыпкѣ стѣнъ мукой, что дѣлается либо особымъ вѣникомъ, либо прикладывая руку сначала къ мукѣ, потомъ къ стѣнѣ; этотъ обычай имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ обсыпаніе мукой почетныхъ гостей, т. е. имъ выражается почтительное привѣтствіе Новому Году.

Пока идетъ очистка стѣнъ, въ очагѣ, накрытомъ сверху, чтобы не пала туда сажка, печется особый хлѣбъ, называемый шбгун-кумбч¹⁷⁾. Тѣсто мѣсятъ на маслѣ безъ солода, а спеченный хлѣбъ имѣетъ видъ большого круга, пальца въ 4 толщиной. Въ хлѣбы меньшаго размѣра кладется солодъ, называемый сыманыкъ; готовится онъ изъ пшеницы, которую держать въ водѣ 4—5 дней, пока она не проростетъ; ее затѣмъ вынимають, сушатъ и мелютъ. Когда шбгун-кумбчъ готовъ, и въ домѣ все убрано, двое мужчинъ садятся у двухъ противоположныхъ стѣнъ комнаты и катають хлѣбъ другъ къ другу по три раза (для этого, вѣроятно, хлѣбъ и печется такой толщины, чтобы могъ катиться, не падая плашмя). Затѣмъ хлѣбъ этотъ рѣжутъ на кусочки, даютъ по кусочку присутствующимъ, а также всѣмъ тѣмъ, кто входятъ въ этотъ день въ домъ изъ родныхъ, и разсылають также по кусочку своимъ родственникамъ, которые отдаривають тѣмъ же.

Такъ-же какъ въ Новый Годъ, не оставляють въ домѣ никого изъ постороннихъ и въ первый день мѣсяца Амсѣа (مسايه — первый мѣсяцъ послѣ Сафара, ربيع الاول, считающійся его «сосѣдомъ»). Обычай этотъ существуетъ въ Ишканимѣ, но не въ Ваханѣ; однако, въ обѣихъ странахъ въ этотъ день никому не даютъ огня изъ дома на сторону. Можетъ быть, этотъ обычай составляетъ пережитокъ древняго культа огня на домашнемъ очагѣ.

17) У Ишканимцевъ печется одинъ хлѣбъ большого діаметра, у Ваханцевъ нѣсколько хлѣбовъ поменьше.

На Новый Годъ женщины и дѣвушки устраиваютъ себѣ качели; молодые же мужчины играли въ поло (gūj-bāzi — گوی بازی), но теперь этотъ обычай въ Ишкашмѣ и въ Ваханѣ совсѣмъ исчезъ. При игрѣ въ поло игроки лошадей обертываютъ тряпками около шетки для защиты отъ ударовъ.

Въ старое время, когда мпы Ишкашма состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Бадахшану, устраивалась послѣ Нового Года охота. По призыву мпра, собирався народъ для облавы; отъ cadaго дома приходило по два человека: одинъ съ ружьемъ, другой безъ ружья. Къ вечеру всѣ должны были собраться у селенія Јах-дурӯ, гдѣ ихъ дѣлили на отряды, и загонщики ночью пробирались на свои мѣста для облавы, кабал-шікѣр. Съ разсвѣтомъ начиналась охота. Мпръ съ лучшими стрѣлками стрѣлялъ по бѣгущему звѣрю. Послѣ охоты воздавалось каждому по заслугамъ: хорошіе стрѣлки получали халаты, неудачные же — палочные удары; мало того, мпръ приказывалъ штрафовать ихъ на халатъ, пару барановъ или т. п. «Что вы за молодцы (بهلوان)», кричалъ разсерженный мпръ: «прикажу перековать ваши ружья на подковы; ваши матери — овцы!».... Лучшая часть добычи доставалась мпру, худшая дѣлилась между другими участниками охоты.

Въ селеніи Сајѣд, какъ видно изъ его названія, охота уже въ старое время составляла промыселъ. Жители его и теперь еще специально занимаются ловлей и дрессировкой соколовъ (شاهین) и другихъ хищныхъ птицъ. Весной, собираясь на охоту, они закалываютъ барана, готовятъ особое блюдо, называемое бат, и съѣвъ его, прочтываютъ молитвы; затѣмъ только отправляются на промыселъ. Изучивъ заранѣе, гдѣ расположены сокольные гнѣзда, они взбираются на скалу, подъ которой спрятано такое гнѣздо, и одного изъ охотниковъ спускаютъ къ нему на веревкѣ. У подножія скалы становится другой и крикомъ даетъ знать, что нужно дѣлать, такъ какъ ни тѣмъ, кто на верху скалы, ни тому, кто виситъ на веревкѣ, общая картина не видна. На уступахъ скалы, гдѣ это возможно, ютятся другіе участники охоты для передачи приказаній и, главнымъ образомъ, для того, чтобы направлять веревку. Одинъ, стоя на верху на удобномъ мѣстѣ и запасшись пучками растенія пуш¹⁸⁾, кидаетъ нитъ въ птицъ, когда онѣ грозятъ броситься на охотниковъ. Съ помощью товарищей спущенный на веревкѣ охотникъ находитъ гнѣздо и вынимаетъ птенцовъ, но никогда не забываетъ всѣхъ: если ихъ въ гнѣздѣ два, то онъ беретъ одного, если три — то двухъ. По возвращеніи домой устраивается пиръ для отпразднованія удачной охоты. При плохихъ качествахъ веревокъ кустарнаго производства такая охота среди неприступныхъ горъ и глубокихъ пропастей крайне опасна. Если ве-

18) Пуш собственно зебачье названіе этой травы; въ Ишкашмѣ ее называютъ дѣрумъ, въ Ваханѣ тыбусъ или тыбѣсекъ.

ревка оборвется, человекъ, привязанный къ ней, разобьется до смерти; поэтому существуетъ обычай отбратъ у него заранее ножъ или шило, словомъ, все то, чѣмъ онъ могъ бы перерѣзать веревку, ибо бывали случаи, когда охотникъ, спустившись такимъ образомъ по воздуху и добравшись до уступа скалы, перерѣзывалъ веревку отъ страха снова влѣсть надъ пропастью и этимъ обрекать себя на неизбежную голодную смерть.

Кромѣ Нового Года въ Ишканимѣ празднуютъ Курбанъ и Рамазанъ. Въ эти праздники ребятишки красятъ яйца, играютъ и бьютъ ихъ одно объ другое; играютъ тоже и не крашенными. Окрашиваютъ ихъ большей частью въ красный цвѣтъ. Бьютъ ихъ другъ о друга, держа въ рукахъ, а также скатывая по желобку. Старики въ эти два праздника ходятъ съ поздравленіями къ знатымъ лицамъ (напр. въ старое время къ «миру») и подносятъ имъ по нѣскольку яицъ (5—20); кромѣ яицъ въ эти дни ничего не подносятъ. Въ Новый Годъ также ходятъ съ поздравленіями, но ничего не дарятъ (кое-кто иногда хлѣбъ).

Во время упомянутыхъ праздниковъ, а также въ Новый Годъ пекутъ блины (называемые по ваханскн рахъивъ. Для этого готовятъ въ чашкѣ жидкое тѣсто изъ муки, молока и масла; раскатавъ большой, плоскій, тонкій камень, льютъ на него масло, а затѣмъ и приготоовленное тѣсто, черпая его изъ чашки ложкой. Когда одна сторона блина испечена, его переворачиваютъ на другую. Подаютъ блины горкой (какъ «листы книги», говоря въ разсказкѣ), на деревянномъ блюдѣ, обливъ ихъ предварительно масломъ.

Въ Ваханѣ, также какъ и въ Ишканимѣ, послѣ Нового Года предназначениемъ на наступающій годъ служить характеръ дѣтскихъ игръ: если малыя дѣти ѣздятъ верхомъ на палкахъ или играютъ въ войну, то это значить, что предстоящій годъ будетъ безпокойный, будутъ походы, битвы. Если же ребятишки занимаются копаніемъ канавокъ и забавляются играми земледѣльческаго характера, то это считается примѣтой мирной жизни и земледѣльческихъ работъ на наступающее время.

Въ Ишканимѣ есть цѣлый рядъ дѣтскихъ игръ, въ которыя играютъ опредѣленнымъ порядкомъ съ опредѣленными словами:

а) *Волки и овцы*—гыргык-ббзі (собственно «игра въ волченка») то-же, что у насъ «коршунъ». Играющіе становятся другъ за другомъ въ вереницу и держатся другъ за друга, при чемъ первый называется «пастухомъ» (чѹ-пби) и долженъ защищать своихъ овецъ, отбивая нападенія «волка» на нихъ. Передъ началомъ борьбы волкъ указываетъ поочередно на окружающія горы и проситъ пастуха дать ему одну изъ нихъ (т. е. для права ловли), говоря по таджикски: *ѹ кѹ* (т. е. *آن کوه*) «ту гору»; пастухъ каждый разъ отвѣчаетъ намодімъ (نمیدم), «не дамъ», послѣ чего волкъ начинаетъ нападать. Въ рукахъ у пастуха жгутъ, которымъ онъ бьетъ волка, но все же, по

большей части, волкъ по одной перетаскиваетъ у него его овецъ. Пока не дошло дѣло до послѣдняго игрока, всѣ взятыя волкомъ «овцы» спятъ въ его «домѣ», вертять руками, подражая работѣ на прялкѣ (چرخ فلک), и привораживаютъ: гѣцым, гѣцым, урк-бо кафан гѣхым, т. е. «пряду, пряду, дѣлаю саванъ волку»¹⁹⁾. Когда за пастухомъ остался всего одинъ играющій, пастухъ говоритъ ему, что у него что-то чешется въ головѣ, и кладетъ ему голову на колѣни, прося посмотреть, въ чемъ дѣло. Въ это время волкъ похищаетъ и этого послѣдняго. Тогда пастухъ, прыгая на одной ногѣ, идетъ къ «дому» волка и говоритъ: У меня пропахъ внучекъ; не видѣли ли вы его? «Твоего внучка»? спрашиваетъ волкъ. «Да». «Да, я его видѣлъ въ такомъ-то мѣстѣ», (называя одно изъ окрестныхъ селеній). Пастухъ, все еще прыгая на одной ногѣ, отправляется за камешкомъ, приносить его и говоритъ, что онъ ходилъ въ это селеніе, нашелъ камешекъ, а внучка не видѣлъ. Волкъ посылаетъ его въ другое селеніе и т. д., пока пастухъ не принесетъ столько же камешковъ, сколько въ пгрѣ «овецъ». Все это время «внучекъ» лежитъ спрятанный подъ халатомъ среди овецъ. Когда всѣ камни принесены, волкъ начинаетъ подносить по камешку каждой овцѣ и внучку. Каждый плюетъ на камешекъ, а волкъ, взявши клочекъ ваты изъ подъ подкладку его халата или волосъ съ головы, приклеиваетъ этой сизовой вату или волосъ къ камешку и отбрасываетъ въ сторону, говоря: «это ослиная моча изъ такого-то селенія» (называя то селеніе, откуда камешекъ яко-бы принесенъ). Когда очередь доходить до внучка, то камень съ его волосомъ волкъ показываетъ пастуху. «Ахъ, это волосъ моего внучка, я его узнаю», говоритъ пастухъ. Внучку нахлобучиваютъ шайку и выводятъ его; пастухъ бѣгаетъ вокругъ него, крича: «о, мой внучекъ!» (waј myн nybyc!). Неподалеку вбѣтъ въ землю деревянный колышекъ, часть котораго торчитъ наружу. Волкъ таскаетъ овецъ къ этому мѣсту и поочередно бросаетъ ихъ на этотъ колышекъ. Когда онъ всѣхъ (въ томъ числѣ и внучка) бросилъ на колышекъ, игра начинается снова.

б) Чижъ—лаш. Кладутъ на землю коротенькую палочку, заостренную съ обоихъ концовъ и называемую лаш. Играющіе раздѣляются на два лагерь, изъ коихъ одинъ бьетъ болѣе длинной палочкой по одному изъ концовъ чижа, чтобы поднять его на воздухъ и сильнымъ ударомъ отбросить далеко въ сторону. Когда чижъ такимъ образомъ отлетѣлъ, очередной изъ противоположнаго лагеря долженъ бѣжать за нимъ и принести его обратно, крича все время зѹуу... и не переводя дыханія, что провѣряется однимъ изъ противниковъ, послѣдній для этого бѣжить за нимъ и прислушивается

19) Въ Горонѣ и въ персидскомъ селеніи Турбанъ ребляшки говорятъ эту фразу по-персидски: мѣрісім, мѣрісім, ба-гѣргъ кафанъ мѣкынім.

къ его голосу. Если чижъ принесенъ правильно, то очередь переходитъ къ слѣдующему; если же у бѣжавшаго за нимъ не хватило дыханія, и онъ перервалъ свой крикъ, то чижа закапываютъ въ землю такъ, чтобы торчалъ только одинъ его конецъ. Тогда игрокъ, ударившій передъ тѣмъ по чижу, садится верхомъ на того, кому не удалось правильно его принести, и, кружась на немъ вокругъ чижа, бьетъ торчащій изъ земли конецъ палкой. Если онъ ударомъ выбиваетъ чижъ наружу, то снова играетъ онъ; если нѣтъ, то игра идетъ дальше. Собственно, эта часть съ крикомъ зѹѹ... заключаетъ игру; до этого кидаютъ отбитымъ чижомъ въ другую палку, положенную на землю, и продѣлываютъ разные другіе номера (подробное описаніе которыхъ имѣется въ матеріалахъ по долинь Хуфъ). Основная мысль игры та, что сначала покупаютъ лошадь, потомъ постепенно уборы къ ней, т. е. попону, подпругу, узду, сѣдло и т. д.²⁰⁾ Когда лошадь съ сбруей готова, устраиваютъ мајдѡн-пѡк (میدان پاک), т. е. пробѣгъ лошади, что и составляетъ описанную въ началѣ часть игры.

в) *Игра съ камни* — лапар-бѡзі. Берутъ плоскіе, круглые камни и, раздѣлясь на два лагеря, бросаютъ поочередно камни въ небольшой камешекъ, называемый чілгізъ, съ извѣстнаго разстоянія; каждый старается бросить свой камень такъ, чтобы онъ легъ какъ можно ближе къ чильгизу, но не на него, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ игрока называютъ мѡдѡргѡј (любовникъ своей матери), и игра начинается съ начала. Когда всѣ бросили свои камни (лапар), измѣряютъ, чей камень ближе; дѣлается это, приставляя ступню къ ступнѣ. Побѣдитель ударами своего камня отстраняетъ камни остальныхъ, затѣмъ отбрасываетъ тѣмъ же способомъ чильгизъ въ сторону; при этомъ опять измѣряютъ числомъ ступней, на какое разстояніе отлетѣлъ камешекъ. Въ теченіи всей игры послѣ промаха играетъ слѣдующій игрокъ. Когда наконецъ кто-нибудь изъ игроковъ успѣлъ сыграть такъ, что при счетѣ оказалось заранее условленное число ступней, то онъ садится верхомъ на противника изъ другого лагеря. На мѣстѣ, гдѣ отъ послѣдняго удара упалъ чильгизъ, складываютъ въ груду большіе камни, служившіе для игры; побѣдитель, сидя на спинѣ проигравшаго, закрываетъ ему глаза руками, а проигравшій долженъ такимъ образомъ пройти отъ того мѣста, гдѣ игра началась, и разбросать груду камней ногой.

г) *Игра съ козонки отъ бараньихъ ногъ* — бірул. Это та-же игра, которая встрѣчается и въ Россіи; въ Туркестанѣ ее называютъ ашік или «ашічкн» (среди русскихъ).

²⁰⁾ Причинъ пріобрѣтеніе каждаго предмета изображается продѣлываніемъ того или другого осложненія въ выбиваніи чижа.

д) *Мяч* — пут. Его дѣлають изъ шерсти; играютъ въ него, по большей части, дѣвушки на гумѣ.

Какъ всюду, въ Ишкашимѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ народъ любитъ сказочниковъ. Знаніемъ сказокъ особенно славятся жители селенія Танг (تنگ) въ верхнемъ Ваханѣ, а въ Зебакѣ жители селенія Бѣз-гір (بازگیر), извѣстные также, какъ охотники за птицами, наравнѣ съ жителями селенія صباد въ Ишкашимѣ. Въ афганскомъ Ваханѣ, въ крѣпости Папца (قلعه پانجه), проживаетъ пѣкій Худ-Бахш (خدا بخش), родомъ изъ Танг'а, славящійся какъ рассказчикъ. Про него говорятъ, что, начиная сказку съ вечера, онъ къ утру доводитъ ее до половины и продолжаетъ въ слѣдующую ночь. Его призываютъ, когда въ домѣ гости, чтобы онъ ихъ развлекалъ. Обыкновенно, онъ говоритъ по вахански, но когда гость Ишкашимецъ или Зебакецъ, не понимающій его языка, то онъ переходитъ на таджикскій. Теперь онъ уже старъ, хромъ, ходить не можетъ, а только ѣздитъ верхомъ; зубы у него все пѣлы и говорятъ онъ, по отзывамъ слышавшихъ его, отчетливо.

Весной и осенью больные Ишкашимцы и Ваханцы отправляются лечиться на горячіе ключи, называемые Чашма-і-Дамчін и находящіеся на правомъ берегу Панджа, въ Ваханѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Ишкашима. Тамъ больные купаются.

Въ зиму 1900—01 гг. въ Зебакѣ появилась чума. Въ селеніяхъ: Сышымоз, Азрок, Зархѣн, Шингук, Бѣзгір, Ретхун, Даштхон и Іскітуз, вымерло много народу, въ четырехъ послѣднихъ — больше половины жителей. Эпидемія продолжалась около 6 мѣсяцевъ.

Ишкашимцы и Ваханцы придають большое значеніе цѣлительной силѣ объятій цѣломудренной или нравственной женщины. Напримѣръ, когда лошадь захвораетъ и перестанетъ мочиться, разыскиваютъ такую женщину, и она, обнаживъ животное, проводитъ три раза руками отъ головы до хвоста, потомъ, сирывая руку въ рукавъ, дотрогивается ею черезъ матерію три раза до половыхъ органовъ лошади и послѣ каждого раза касается этой рукой до земли. Это дѣлается не на людяхъ, но разъ женщина уже упрочила за собой репутацію цѣлительницы, то она лечитъ этимъ способомъ и въ присутствіи другихъ. То же леченіе продѣлывается и надъ мальчикомъ, если у него перестанетъ идти моча.

б) Небесныя свѣтила, нлаты, оны, остатки прежнихъ религіозныхъ обрядовъ.

Солнечное затменіе называется рамузон наѣ, т. е. «солнце взяло» (آفتاب را گرفتند), также и лунное — маѣтѣбон паѣ, «взяло луну» (ماہتاب را گرفتند). Затменія объясняются попытками дивовъ, называемыхъ леу

(во множ. ч. *леуѳ*) схватить и унести свѣтила; грѣхъ людей даютъ имъ возможность это сдѣлать. По другому объясненію, затмѣнія происходятъ отъ того, что женскіе волосы попали въ огонь; это считается большимъ грѣхомъ. При каждомъ затмѣніи на народъ нападаетъ панический страхъ: женщины плачутъ, мужчины выкрикиваютъ, азанъ, читаютъ коранъ и проносятъ заклинанія. Если у кого есть мѣдные тазы, то всѣ, какъ женщины, такъ и мужчины, бьютъ въ нихъ, надѣясь спугнуть дивовъ. — Рѣжутъ также въ жертву барановъ. Нѣкоторыя женщины даютъ во время затмѣія обѣтъ приготовить бат, въ случаѣ благополучнаго исхода знаменія, и вслѣдъ за тѣмъ варятъ это кушанье.

Солнце называется великимъ *بزرك*. Имъ клянутся, говоря въ Ишкашмѣ: *сари Рѣмузд, въ Ваханѣ: сари ір* ²¹⁾. Жители Горона, а также жители селенія Турбат, говорящіе и тѣ, и другіе по персидски, говорятъ *سر آفتاب*. Клятва эта считается очень сильной, и народъ вѣритъ, что нарушившій клятву или давшій ее ложно будетъ наказанъ солнцемъ.

Клястся именемъ Бога пзбѣгаютъ, кромѣ какъ въ особенно важныхъ случаяхъ, и то такъ клянутся только мужчины, но не женщины (въ Ваханѣ). Всего чаще и мужчины, и женщины клянутся именемъ близкихъ родныхъ: отца, брата, дяди, но не матери, сестры или тетки. Матерью клянутся только дѣвушки, у которыхъ отецъ померъ, а другихъ родныхъ подходящихъ степеней родства нѣтъ. Сыновья же даже въ такомъ случаѣ не клянутся матерью.

Названія для звѣздъ и созвѣздіи употребляются въ Ишкашмѣ персидскія, т. е. общія съ тѣми, которыя имъ даютъ остальные Таджики: млечный путь называется *کجۀ ککشان*. Большая медвѣдница — *هفت دادران*, Плеяды — *پروین*; какія то двѣ звѣзды, близкія другъ къ другу (Близнецы?) — *لبلی و مجنون*; какаѣ то яркая звѣзда, появляющаяся осенью, *ستارۀ سرد*.

Громъ въ Ишкашмѣ и Ваханѣ приписывается старухѣ, живущей на небѣ, которая отъ времени до времени встряхиваетъ свои исподніе шаровары; про гулъ грома говорятъ: *камиірак хай вѳа тухду* («старуха встряхиваетъ свои исподніе шаровары», *کبیرک ازار خود را قف زد* ²²⁾).

21) Упомянутое о имени солнца, и. б., указываетъ на антропоморфическое представленіе о немъ. (Ср. клятву солнцемъ, данную Томирисой Кирю, у Геродота).

22) Среди тюркскихъ племенъ сохранились слѣды древняго представленія о божествѣ грома также въ видѣ старухи, но встряхивающей кожаный мѣхъ. Въ Туркестанскомъ краѣ можно иногда видѣть маленькихъ ребятъ, убѣгающихъ въ положеніи отъ услышаннаго раската грома и кричащихъ: *мама сана чини қадды* — бабушка встряхнула свой кожаный мѣшокъ.

Снамъ придается большое значеніе. Иногда, проснувшись послѣ сновидѣнія, человекъ варитъ бѣц или раздаетъ хлѣбъ. Названіе бѣц посятъ особое кушанье, имѣющее отношеніе къ духамъ предковъ, а также къ высшимъ духамъ. Бѣц раздается всѣмъ окружающимъ и даже, если его варитъ зажиточный человекъ, на это угощеніе сзываются гости изъ окрестныхъ селеній. Для того, чтобы предотвратить бѣду, предсказанную дурнымъ сномъ, или же иногда въ надеждѣ увидать хорошій сонъ, люди состоятельные рѣжутъ какое-нибудь животное.

Существуетъ повѣріе, что если женщина не можетъ запоминать своихъ сновъ (خوابش بدر میشود) (т. е. по просту, спать крѣпко, безъ сновидѣній), а ей хотѣлось бы ихъ запомнить (считается же это очень желательнымъ), то ей надо попросить человека, занятого въ это время помохомъ своего хлѣба, чтобы онъ сдѣлалъ для нея кумбъ. Тотъ долженъ встать на разсвѣтѣ, взять воды изъ мельничнаго желоба, замѣсить тѣсто и испечь булочку, которую женщина и съѣдаетъ.

Ложась спать, жители Ишкашима и сосѣднихъ странъ раздѣваются почти до-нага. Иногда оставляютъ исподніе шаровары, но и это нельзя считать общепринятымъ обычаемъ; въ нихъ спятъ обыкновенно женщины; замужнія однако ложатся часто безъ нихъ.

Куреніе благовоній (въ ритуальномъ смыслѣ) бываетъ двухъ родовъ (въ Ишкашимѣ, Зебакѣ и Ваханѣ). Для одного готовится смѣсь изъ отрубей и масла; имъ курятъ во всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся случаяхъ жизни (при туѣ, окончаніи уборки хлѣба и т. п.). Другое же зажигается для отогнанія или умилостивленія духовъ. Для выдѣлки этого второго куренія берутъ стебли дикаго горнаго лука, раздробляютъ ихъ камнями, сушатъ и скатываютъ получившуюся массу въ шарикъ, которые напизываютъ на палочку. Когда этотъ мятый лукъ совсѣмъ высохнетъ, его смѣшиваютъ на маслѣ съ отрубями и сѣменами растенія іспандъ.

7) Произведенія страны, промыслы, торговля и т. д.

Въ Ишкашимѣ водятся дикія пчелы; въ ихъ ульяхъ, небольшихъ по размѣрамъ, бываетъ иногда медъ. Замѣтивъ такой улей, горецъ, желающій полакомиться медомъ, схватываетъ соты, накрывшись съ головой халатомъ, и пускается бѣжать, преслѣдуемый пчелами. Когда пчелы отстали, онъ разсматриваетъ свою добычу; если соты съ медомъ, онъ его съѣдаетъ; если же пустые, то онъ хранитъ ихъ покуда не встрѣтится въ нихъ надобность; а именно, когда въ домѣ изготовленъ кусокъ матеріи или шьетъ новый халатъ домашняго производства, то, прежде чѣмъ отнести его на базаръ,

раскладывают костеръ, въ который кладутъ пустые соты, и надъ дымомъ этого костра держатъ назначенную къ продажѣ ткань. Существуетъ повѣріе, что тогда покупатели, какъ пчелы, набросятся на товаръ и будутъ перебивать его другъ у друга, надбавляя цѣну. Этотъ обычай кромѣ Ишкашима существуетъ и въ Горонѣ.

Медь, обыкновенно, получается отъ Зебакцевъ, народа сравнительно болѣе промышленнаго и торговаго, чѣмъ ихъ сосѣди. Зебакцы, въ свою очередь, достаютъ медь отъ Кафировъ и Читральцевъ, занимающихся пчеловодствомъ; угли у этихъ племенъ дѣлаются изъ глины. Зебакцы занимаются приготовленіемъ пороха, а также, совмѣстно съ Сапгличцами, продаютъ окрестнымъ жителямъ сѣру и фитили. Въ Зебакѣ-же добываютъ въ руслахъ рѣчекъ (преимущественно Каж-Дара) кусочки свинца и, переплавивъ ихъ, продаютъ сосѣдямъ. Въ Читралѣ Зебакцы носятъ (на своихъ спинахъ) продавать чугунные котлы и соль; послѣднюю носятъ также и къ Кафирамъ-Сіопушамъ. Изъ Читрала получаютъ матерію, изъ Кафирстана — рогатый скотъ и шерстяныя издѣлія (знаменитыя одѣяла); отъ Ваханцевъ и Ишкашимцевъ покупаютъ козъ, которыя перепродаютъ Кафирамъ.

Въ Зебакѣ есть одно селеніе, Сѣтѣя (15—16 домовъ), жители котораго занимаются гончарнымъ дѣломъ; въ другихъ, окрестныхъ селеніяхъ съ этой отраслью промышленности совсѣмъ не знакомы. Посуду свою жители Сѣтѣя развозятъ сами и вымѣниваютъ на хлѣбъ; покупатель долженъ напознать покупаемый сосудъ зерномъ, каковое и высыпается продавцу, а посуду беретъ покупатель. Горцы увѣряютъ, что, несмотря на колебанія цѣнъ на хлѣбъ, соотношеніе между стоимостью его и стоимостью посуды остается неизмѣннымъ. Жители этого селенія, повидимому, взялись за гончарное дѣло, вслѣдствіе невозможности орошать свои поля за недостаткомъ воды: *ملک ايشان بشار کم آب است* говорилъ рассказчикъ. На обжиганіе глиняныхъ издѣлій берутъ особую траву, называемую по зебакски пѣт, о которой было уже упомянуто.

Про рубины, издавна вывозимые съ верхняго теченія Пянджа, существуетъ старинная поговорка: *سر لعل بچون دل لعل سجون پای لعل غاران*, т. е. «голова рубиновъ Жамчун (ваханское произношеніе), сердце — Сумцун, нога — Дорбъ». Несмотря, однако, на поговорку, въ настоящее время по большей части забыли тѣ мѣста, гдѣ были залежи рубиновъ; въ Сумцунѣ²³⁾ по-

23) Сумцун — не селеніе, а *دهقانخانه* т. е. урочище, гдѣ есть посѣвы, но нѣтъ домовъ.

казываютъ бѣзбюція на большой высотѣ осыпи, якобы отвалы старинныхъ копей; и только въ Горонѣ, въ мѣстности *كوه لعل*, туземцы достоверно знаютъ, что изъ пещеры, видѣющейся высоко на склонѣ горы, добывался рубины еще въ XIX-мъ вѣкѣ. Съ этимъ мѣстомъ связана легенда про дракона, который стережетъ хранящіеся въ пещерѣ драгоценные камни.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Названія селеній въ Ваханѣ и Ишкашимѣ.

I. На Бухарской территоріи.

1. Ваханъ.

Ишкашимское произношеніе: п е з а п с а н о.

Ваханское произношеніе: заңғарі-кіхи — һісѡр (2 дома) — зуңғ —

Ишк. зыгвынд — шўргін — дурің — нїжгар — выранғ — вывыкут —

Вах. зыгванд — шургін — дырің — нїжгар (2 дома) — выранғ — вывукут —

Ишк. јамғ — јамчун — пытун — зумыдк — шўтхарв — даршај — *тѡк-

Вах. јамғ — јамчун — пытун — зумыдк — шѡтхарв¹⁾ — даршај — тѡк-

Ишк. хѡна ²⁾ — раманіт — вуддіт — напатгыт ³⁾ —

Вах. хѡна — раманіт — вїдіт (2 дома) — напатгут (14 домовъ) —

Ишк. пасравѡн ³⁾ —

Вах. пырхырав (2 дома) —

2. Ишкашимъ.

Ишк. рын ⁴⁾ — нуд ⁵⁾ — *апхарв — *сўмпін —

Вах. ран (15 домовъ) — над (11 домовъ) — апхарв — сўмпін —

Ишк. јахшівѡл ⁵⁾ — мылвѡн ⁵⁾ — авың ⁵⁾ — *сўтаң —

Вах. јахшівѡл (2 дома) — мылвѡн (3 дома) — авуң (1 домъ) — сутаң —

II. На афганской территории.

1. Ваханъ.

Вах. сári-сарһад ⁹⁾ — сѣст — кѣркѣт — чѣлканд — пѣтхѣх — ісік — нѣсѣр —

Вах. шѣхъарв — шѣштхъарв — раһчѣѣн — јѣр — рѣруцг — кырыт —

Вах. кызгыт — пѣтѣр — саргаз — кѣркѣт — мѣрабар — шѣлк — вѣст —

Вах. wүзед — саст — афгарч — гѣзхѣн — пырѣп — панѣа — пагѣн —

Ишк. пѣкѣј — ішмѣрѣ — хандѣт — јамѣт — пыгѣш — не записано —

Вах. пѣкѣј — ішмѣрѣ — хѣндѣт — јамѣт — пѣгѣш — *кашкандев ⁷⁾ —

Ишк. wүргынд — дүгыргынд — выруч — сарѣ-шѣхъарв — лаңгар —

Вах. wүргынд ⁷⁾ — дѣгѣргынд ⁷⁾ — *wүрүпп — сарѣ-шѣхъарв (1 д.) — лаңгар —

Ишк. шѣхъарв — кышпѣхѣн — кыбѣт — варк — шѣтрѣс — кѣзѣ-дѣ —

Вах. шѣхъарв — кышпѣхѣн — *кыбыт — варк — шѣтрыг — кѣзѣ-дѣ —

Ишк. выждрѣс — пытѣр — ірус —

Вах. выждрыг (1 догѣ) — пѣтыр — *ірус —

2. Ишкашимъ.

Ишк. шѣхѣ ⁹⁾ — хѣрмавѣ — бѣшѣнд — бѣзѣр —

Вах. шѣхѣ (7 д.) — хѣрмавѣ (10 д.) — бѣшанд (2 д.) — бѣзѣр (2 д.) —

Ишк. тѣрѣв — бѣнгардѣ — пѣстѣдѣ — хѣшпѣк —

Вах. тѣрѣв (4 д.) — бѣнгардѣ (13 д.) — пѣстѣдѣ (2 д.) — хѣшпѣк (4 д.) —

Ишк. бѣштырук — тѣрбат ⁹⁾ — чѣwүсѣст ¹⁰⁾ — wүсѣст —

Вах. бѣштырук (2 д.) — тѣрбат (20 д.) — чѣtwісѣст (1 д.) — wісѣст (3 д.) —

Ишк. кѣрхѣн — шѣкѣѣ — бѣхѣр — рѣварѣч ¹¹⁾ — чѣшхѣн ¹²⁾ —

Вах. кѣрхѣн (1 д.) — *шѣкѣѣ — бѣхѣр (4 д.) — рѣварѣч (4 д.) — чѣшхѣн (8 д.) —

Ишк. кѣзѣ-дѣ — заргарѣн — дѣрѣан — чѣкар —

Вах. кѣзѣ-дѣ (6 д.) — заргарѣн (7 д.) — дѣрѣан (7 д.) — *чѣкар —

Ишк. кѣндыкод ¹³⁾ — сѣјѣд ¹³⁾ — мѣјѣнкор ¹⁴⁾ — каңгырак —

Вах. кѣндыкод (4 д.) — сѣјѣд (5 д.) — *мѣјѣнкол — каңгарак (1 д.) —

Ишк. сѣкѣмѣр ¹⁵⁾ — гаңѣ-ѣбѣд — сар-ѣаңгал — вѣркаѣ —

Вах. *сѣкѣмѣр — *гаңѣ-ѣбѣд — сар-ѣаңгал (2 д.) — вѣркад (2 д.) —

Ишк. дб-ббѣб¹⁰) — дб-пѣбѣн — сар-шах — лангар — wáстук —

Вах. дб-ббѣб (7 д.) — дб-пѣбѣн (4 д.) — сар-шах (2 д.) — *лангар — *wúстук —

Ишк. шах-бын — jáштѣв.

Вах. *шах-бын — *jáштев.

Примечанія:

1) По объясненію ваханца, названіе это образовалось изъ шѣт — земли (خاك) и хара, по-видимому, корня глагола «идти» (о дождѣ, свѣгѣ и т. п., перс. باریدن), 3 л. ед. наст. вр. харад, т. е. танов мѣсто, гдѣ, благодаря вѣтру, сыпается пыль. Такъ же объясняется названіе шѣхарѣ (шѣ — черныи), т. е. тамъ черная земля.

2) Знакомъ * отмѣчены мѣстности, гдѣ въ настоящее время нѣтъ селеній, но есть посѣды; таджикки называютъ ихъ دهقانخانه.

3) Жители этихъ селеній, хотя говорятъ по вахански, но по происхожденію ишканишцы.

4) Говорить по ишканишски.

5) Говорить по персидски (т. е. на таджикскомъ нарѣчій).

6) Селенія отъ сáрі-сарѣад до ģбáхун расположены по обоимъ берегамъ рѣки آب سرخه, текущей по афганской территоріи; у сел. ģбáхун آب سرخه сливается съ آب لنگر, текущей по бухарской территоріи.

7) Эти три селенія называются также общимъ именемъ wургънд.

8) Девять селеній отъ шѣхъ до бѣштырук носятъ общее названіе дб-ббѣб.

9) Населенъ ишавами, говорящими по персидски; говорятъ, ихъ теперь до 50 домовъ.

10) Т. е. «малый посѣдъ»; пять селеній отъ чѣwусѣст до бѣбѣр носятъ общее названіе wѣсѣст.

11) Въ прежнее время реварѣч составляли одно цѣлое (въ административномъ отношеніи) съ рын'окъ; со времени разграниченія отнесены къ группѣ wѣсѣст.

12) Четыре селенія отъ чѣшхѣн до дѣрѣав носятъ общее названіе дб-хѣна.

13) Всѣ девять домовъ охотники.

14) Земли этого دهقانخانه владѣютъ жители дб-хѣна.

15) Половина этого селенія принадлежитъ къ Ишканишу, половина къ Зебаку.

16) Семь селеній отъ дб-ббѣб до jáштѣв составляютъ jахдѣрѣ.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТАБЛИЦЪ.

I.

Переноска сноповъ съ поля. Снимокъ сдѣланъ въ Ваханѣ, въ селеніи Дингаръ-Гинуть, 20 августа 1903 г. Доска, на которой переносятся снопы, называется *кошт* (стр. 26) и служатъ также для переноски всякихъ тяжестей (стр. 24).

II.

Молотьба. Хотя снимокъ этотъ сдѣланъ въ Язгулемѣ (2 сентября 1903 г. въ селеніи Джамакъ), но онъ одинаково вѣрно иллюстрируетъ молотьбу и у другихъ горныхъ таджиковъ. Снопы развязываютъ, раскидываютъ на гумнѣ и гоняютъ по нимъ скотъ; въ данномъ случаѣ гумно огорожено и снопы разбросаны по кругу; шесть головъ скота связаны палкой на подобіе ярма и топчуть хлѣбъ (къ стр. 23).

III.

Похороны въ Ишкашимѣ (снимокъ сдѣланъ въ селеніи Рындъ въ августѣ 1902 г.). Тѣло несутъ на носилкахъ къ могилѣ (къ стр. 17). Впереди ведутъ собаку (остатокъ древняго перскаго повѣрія).

IV.

Домъ въ селеніи Рындъ. Навѣсъ направо отъ входа — *пешлудъ*, упоминаемый въ текстахъ.

V.

Селеніе Рындъ въ Ишкашимѣ. Какъ всюду у горныхъ таджиковъ, селеніе не разбито на правильныя улицы; стѣны домовъ глинобитныя, заборы сложены изъ камней, посѣвы разбросаны на клочкахъ удобной земли.

VI.

Группа ишкашимцевъ (снято въ селеніи Рындъ въ 1902 г.).